
ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА

Вести от Брюховецкого о турецких замыслах; доносы на Запорожье и на епископа Мефодия. - Убиение царского посланника Ладыженского я Запорожье. - Письма кошевого Васютенка к Брюховецкому по этому случаю - Следствие по козацким жалобам на полтавского воеводу. - Увещательная царская грамота к козакам. - Сношения с Дорошенком. - Неудовольствия епископа Мефодия на Москву и примирение его с Брюховецким. - Наговоры Мефодия на Москву. - Тукальский сносится с Брюховецким и склоняет его окончательно к измене. - Начало волнений в Малороссии. - Царская грамота к Брюховецкому по поводу этих волнений. - Решительное восстание против московских воевод в малороссийских городах. - Грамота Брюховецкого на Дон. - Внушения польские против козаков. - Движения князя Ромодановского. - Татары и Дорошенко на восточном берегу Днепра. - Гибель Брюховецкого. - Дорошенко удаляется на западную сторону, и восточная снова тянет к Москве. - Наказной гетман Демьян Многогрешный. - Архиепископ Лазарь Баранович и протопоп Симеон Адамович. - Грамота Барановича к царю с увещанием простить малороссиян и вывести от них воевод. - Последняя деятельность епископа Мефодия. - Татары провозглашают нового гетмана - Суховеенка. - Затруднительное положение Дорошенка. - Сношения его и Многогрешного с киевским воеводою Шереметевым. - Большое малороссийское посольство в Москве. - Письмо протопопа Симеона Адамовича, к царю. - Разговоры Многогрешного и Барановича с посланцем Шереметева. - Глуховская рода: избрание Многогрешного в гетманы. - Сношения с Польшею и Швециею. - Король Ян-Казимир отрекается от престола. - Вопрос об избрании в короли польские царевича Алексея Алексеевича. - Последняя служба Ордина-Нащокина. - Переписка его с царем. - Избрание в польские короли Михаила Вишневецкого. - Съезды Нащокина с польскими комиссарами. - Удаление Нащокина в монастырь. - Польские послы Гнинский и Бростовский в Москве. - Дело о возвращении Киева и о союзе против турок. - Русское посольство в Турции. - События в Крыму.

В то время как Москву занимали важные события, с одной стороны, окончание тяжелой тринадцатилетней войны, с другой - небывалый собор в присутствии двух патриархов восточных, осуждение и заточение Никона, решение раскольничьего вопроса, - в это время, т е в конце января 1667 года, посланцы Войска Запорожского каневский полковник Яков Лизогуб и канцелярист Карп Мокриевич подали информацию от боярина и гетмана Ивана Мартыновича Брюховецкого. По-прежнему боярин и гетман просил помощи против неприятелей и тогочных изменников и объявлял свое плохое и недостойное разумение, чтоб не принимать просьбы крымского

хана о мире: "Бусурманин хочет только оплошить миром и потом напасть на города малороссийские; купцы греческие рассказывали за верное, что султан велел воеводам молдавскому и волошскому идти войною на Украйну; мир весь опасается приходу бусурманского и изменничьего и бьет челом о прибавке ратных людей в города малороссийские; при боярине и гетмане с воеводою Протасьевым государевых ратных людей нет, все разбрелись по домам; в изменничьем городке Тарговице по указу ханскому, а по просьбе Дорошенка бусурманским именем начали деньги делать, чтоб этими деньгами, будто серебряными, а не медными, всяких людей к бусурманской мысли приклонять; Чигирин и другие изменничьи города надобно вконец разорить, потому что, пока они будут стоять целы, Украйне не будет покоя; боярин и гетман, по христианскому обычаю, ради царя и веры православной велел построить церковь Сорока мучеников под Конотопом, на месте побоища: бьет челом, чтоб государь помог на церковное строение из казны и на колокола дал две пушки; да будет царскому величеству ведомо о бесчинии некоторых духовных лиц: людям обоего пола беззаконно жить и разводиться позволяют; пожаловал бы великий государь митрополита на митрополию Киевскую, который бы всякое бесчиние уничтожал: духовенство двоедушествует, а как от патриарха московского на митрополию Киевскую прислан будет митрополит, то все шатости на Украйне прекратятся. Жена покойного Богдана Хмельницкого приехала в Киев с изменничьей стороны, с нею дочь Гришки Гуляницкого, и живут в Печерском монастыре; во всех государевых городах воеводы позволили мужикам вино курить и продавать сколько кто сможет: это дело недостаточное, от него вырастают бунты, лесам умаленье и хлебам убавка; велел бы великий государь воеводам заказ учинить, чтоб, кроме козаков, мужикам не курить вина". Наконец посланные объявили о винах нежинского полковника Матвея Гвинтовки: будучи в Москве, он не хотел приложить руки к статьям; по возвращении из Москвы съехались к гетману полковники и объявили о неправой службе Гвинтовки; в прошлом году под Чигирином показал явную измену, и когда гетман стал ему за это выговаривать, то Гвинтовка отвечал: "Нигде не ведется, чтоб свой на своего воевал". Да он же научал гетмана собрать раду и положить булаву. Теперь, объявили послы, Гвинтовка сидит в Гадяче за караулом, а на его место выбрали со всею старшиною Артема Мартинова.

С ответами на все эти статьи и с объявлением о заключении Андрусовского перемирия отправился в Малороссию стольник Телепнев. За службу и остерегательство насчет хана великий государь жаловал гетмана, милостиво похвалял; ратные люди в малороссийские города присланы будут вскоре; о митрополите в Киев царский указ будет впредь: с Гвинтовкою указал государь учинить по войсковым правам чего доведется. Боярин и гетман после торжественного молебствия о всемирной радости, о замирении с поляками объявил Телепневу, что турецкий султан сам хочет идти войною на поляков под Каменец, который хотят сдать ему армяне. Потом гетман стал просить, чтоб государь указал ему быть в другом городе, а в Гадяче быть ему не у чего - место пустое; по-прежнему Иван

Мартынович предостерегал насчет Запорожья: "Козаки идут толпами в Запороги; надобно в Койдак и Кременчуг как-нибудь ввести ратных людей, чтоб в Запорожье хлеба не пропускать; а когда в Запорожье будет козаков многолюдство, то ждать от них шатости".

От боярина и гетмана Телепнев отправился в Киев к боярину и воеводе Шереметеву, от которого услышал жалобы на козаков: "Мещанам от козаков чинятся налоги большие, и мещане бредут врознь; а в Киеве ратные люди от голоду бредут врознь; конных и пеших людей всего в Киеве 3177 человек".

Скоро пришли новые вести от Брюховецкого о Запорожье вместе с доносом на епископа Мефодия. "Скорее, как можно скорее прислать ко мне ратных людей, чтобы народ на этой стороне Днепра в отчаяние не приходил, - писал боярин и гетман. - Запорожских козаков всякими гостинцами обсылаю, на доброе дело всячески уговариваю, только бы мне в этом деле двоедушные духовные особы не были препоною и запорожцам на всякое зло поджогию, как, например, преосвященный епископ мстиславский: с его поджоги невинная кровь христианская разливается; теперь, когда этого епископа здесь, на Украине, нет, то многим кажется, что другой свет стал; пусть епископ живет в Москве или где будет угодно государю, только бы не в городах, близких к Запорожью; и переяславские бунты не легко бы укротились, если бы прошлого года епископ не уехал в Москву. Епископ уговорил епарального судью Петра Забелу послать сына своего в Запорожье, зачем? Сам Забела состарился, а в Запорожье не бывал; сыновья его и подавно, были только у польского короля и привилегии себе повыправили; а теперь умыслил сына в Запорожье слать, людьми мутить и запорожцев на зло уговаривать. Бью челом великому государю, чтобы не велел видаться на Москве с епископом козакам, которые от меня приезжают, особенно запорожцам: он их научает на всякое зло. Некоторые из них мне сказывали, что епископ тайно призывал к себе голодных запорожцев и жаловался, будто по моей милости ему казны с дворца не доходит".

Опасения Брюховецкого насчет Запорожья сбылись, не помогли его гостинцы! В апреле месяце переправился за Днепр стольник Ладыженский, ехавший в Крым вместе с ханскими гонцами. На дороге пристало к ним человек полтора запорожцев, которые зимовали в малороссийских городах, ночевали вместе две ночи спокойно, но на третий день напали на татар и перерезали их, имение пограбили и скрылись. Приехавши в Запорожье, Ладыженский обратился к кошевому Рогу с требованием, чтобы велел сыскать злодеев, а его, стольника, проводить до первого крымского городка. "Воры учинили это злое дело без нашего ведома, - отвечал кошевой, - в Сечу к нам не объявились, и сыскать их негде". Чрез несколько дней собралась рада, после которой козаки захватили у Ладыженского все бумаги и казну, пересмотрели и спрятали в Сечи, а

Ладыженскому объявили, что его не отпустят, потому что к ним нет грамот ни от государя, ни от гетмана.

Как скоро узнали об этом в Москве, то в Гадяч к Брюховецкому поскакал хорошо знакомый с Малороссиєю стольник Кикин "Вам бы, - говорил он боярину и гетману, - службу свою и раденье показать, послать в Запороги верных и досужих людей, чтобы кошевой и все войско про то про все разыскали наскоро, воров казнили смертью по стародавним войсковым правам, пограбленное отдали сполна и стольника Ладыженского отпустили". Но Ладыженский был уже отпущен.

12 мая зашумела новая рада в Запорожье: скинули с атаманства Ждана Рога, выбрали на его место Астапа Васютенка и начали толковать об отпуске Ладыженского; решили отпустить. Тут старый атаман Рог повел речь, что надобно сыскать тех козаков, которые побиили татар "Чего сыскывать? - закричали ему из круга. - Сам ты про то ведаешь, татарская рухлядь теперь у тебя в курене". Побежали к Рогу в курень и принесли вещи на улику. "Это мне принесли в подарок козаки, - отвечал Рог, - а того не сказали, где взяли". Тем дело и кончилось в Сечи. Сам кошевой Астап Васютенко с 40 козаками отправился провожать Ладыженского вниз по Днепру; но едва отъехали они от Сечи версты с две, как нагнали их козаки в судах и велели пристать к берегу. Москвичи повиновались; козаки раздели несчастных донага, поставили их на берегу, окружили с пищалями и велели бежать в Днепр, но только что те побежали, как вслед за ними раздался залп из пищалей; смертельно раненный Ладыженский пошел ко дну; других пули не догнали, и они были уже близко другого берега, но убийцы пустились за ними в лодках, захватили и перебили. Объявивши таким запорожским способом войну Москве, козаки начали толковать, чтобы быть в соединенье с Дорошенком и выгонять московских ратных людей из малороссийских городов, не давать московскому царю никаких поборов с отцов своих и родичей. Запорожцы хвалились, что полтавский полковник на их стороне, и действительно, стоявший в Полтаве воевода князь Михайла Волконский дал знать государю, что между полтавцами шатость большая: "От полтавского полковника козакам и мещанам, которые тебе, великому государю, хотят верно служить, заказ крепкий, с большим пристрастием, чтобы ко мне никто не ходил и с твоими русскими людьми никто не водился, а кто станет водиться, тех хотят побивать до смерти; мещанам, которые выбраны к таможенному сбору в целовальники, полковник грозит большим боем, чтобы с проезжих людей на тебя, государя, возовых пошлин не брали".

Гетману Брюховецкому дал знать об убийстве Ладыженского сам кошевой Васютенко. "Грустна нам нынешняя весна, - писал Астап, - никто о целости народа нашего не заботится; за грехи наши и тот, кто прежде нам хлеб давал, теперь камень дать замыслил. Не знаю, кто бы был благодарен за камень, потому что он на пищу не потребен. Царское величество тешит нас листами бумажными, как детей яблоками. Пишет нам, чтоб мы верно

служили, а сам, заключивши мир с королем польским, тотчас с тем же и к хану отзывается, обещая за его дружбу нам всего умалить, что, как видим, уже и начал. За что бедных людей, войною разоренных, так стесняют? Не один лице свое кровавыми слезами оmyвает. Не хочет государь нас, птенцов своих, под крылами держать: так милосердие божие избавит от такого ига горького, которое прежде было сахарно. Человек, желая устроить ниву для потомства, прежде терние из нее вымечет - так и предки наши, не жалея здоровья, терние из отчины своей выметывали, чтобы нам вольность уродила, которую считаем самою дорогою вещью, ибо и рыбам, и птицам, и зверям, и всякому созданию она мила. Река великая много иных речек преодолет: так и всемогущего бога помощь все замыслы земных монархов превозможет. Не довелось не только делать, но и мыслить о том, чтоб нашу отчину к последнему разорению привести, на которое смотря и самый злой зверь, если бы имел человеческий разум, мог сжалиться. Знаю, что и стольник (Ладыженский) без ведома нашего смерть принял за то, что в городах великие обиды от них люди терпят. Однако, оставя все это, желаем с вашим вельможеством по-прежнему жить в любви. Изволь царскому величеству донести, чтоб запретил своим ратным людям чинить в городах всякие вымыслы, пусть живут по-прежнему, а если не перестанут, то чтобы большой огонь не встал, потому что, доколе живы, будем остерегать, чтобы наши права и вольности не умалились. В этом они напрасно головы свои ломают: им этого не удастся, как слепому в цель попасть; пусть монархи о том подумают, что человек начинает, а бог совершает".

Для разведания об убийстве Ладыженского Брюховецкий отправил есаула Федора Донца. 26 мая, в Троицын день, Донец приехал в Сечь; собралась рада, прочли лист гетманский и начали толковать. Запорожцы, которые вышли с восточной стороны Днепра, также и те, которые хотя и с западной стороны, но жили долго в Запорожье, накинулись на тех козаков, которые недавно пришли с Дорошенковой стороны: "Это от вас такое зло учинилось; а как вас не было, так у нас, в Запорогах, такого зла не бывало". Началась брань, кошевой подошел к Донцу и сказал ему: "Уходи-ка лучше к себе в курень, а то, неровен час, убьют". Козаки с западной стороны показывали бумаги, взятые у Ладыженского, и кричали: "Вот смотрите, что написано: московский государь с королем польским, с царем турским и с ханом крымским помирился, а для чего помирился? Разумеется, для того чтоб Запорожье снести. Вот почему мы Ладыженского и потопили!"

Покричали и разошлись, не решивши ничего. Старые козаки ворчали между собою в куренях: "Не знаем, что с этими своевольниками и делать; видишь, сколько их нашло! Нас и старших не слушают!" Кошевой, старшины и старые козаки рассказали Донцу, что пуций бунтовщик Страх, который Ладыженского потопил, был у них пойман и прикован к пушке, но, подпоив караульщика и прибавив его мало не до смерти, сломил с цепи замок и ушел. Он скрылся в крымском городе Исламе; но татары, признав в нем убийцу своих, повесили его.

Донец возвратился к Брюховецкому с грамотою от кошевого, в которой тот писал, что запорожцы сами рады бы были казнить преступников, совершивших такое злое дело, но их до сих пор в коше нет. Но при этом Васютенко давал знать гетману, что убийцы татарских гонцов могут быть извинены. "Собственные слова гонца, - писал он, - возбудили жалость и жестокий гнев в козаках: меня, говорил татарин, царское величество отпустил к хану с тем, чтобы вас, запорожских козаков, искоренить, ваше жилище разорить; уже вас больше щадить не будут". Кошевой не считал за нужное объяснить, кто же слышал эти слова крымского гонца, если убийцы его не явились в Сечь? Васютенко, выдавая эти слова за непреложно верные, распространялся по-прежнему в жалобах на московского государя, в жалобах, что на них с трех сторон сети закидывают. В заключение кошевой просил, чтобы царь простил запорожцев за убийство татар и Ладыженского, обещая за это стоять мужественно против всякого неприятеля.

И вот Брюховецкий действительно говорит Кикину, что государь должен простить запорожцев за это двойное убийство и грабеж казны: иначе кошевое войско, отобравшись от государевой руки, соединится с крымским ханом и с заднепровским гетманом Дорошенком "А я, - продолжал Брюховецкий, - буду стараться, чтобы по времени, не вскоре злодеев и заводчиков истребить". Донец рассказывал, что кошевой прямо ему говорил: "Если государь нас простит, то мы ради ему вперед служить; если же будет гневаться, то у нас положено, сложась с Дорошенком и татарами, пойдем воевать в государевы украинские города".

Но прежде всего нужно было разузнать, не поступают ли московские воеводы в самом деле дурно с козаками? Ряд жалоб подан был на полтавского воеводу, князя Волконского, за то, что он некоторых козаков поместил в число мещан и берет с них денежные и медовые оброки. Тот же Кикин отправился из Гадяча в Полтаву по этому делу, сравнил имена челобитчиков со сказкой Волконского и с переписными мещанскими книгами и нашел, что многие люди прозвищами не сошлись. Тогда он обратился к полтавскому полковнику Григорью Витязенку, чтобы тот выслал к нему всех челобитчиков на лице к допросу для подлинного розыска. "Выслать их к допросу нельзя, - отвечал Витязенко, - теперь пора рабочая, пашня и сенокос, козаки работы не кинут и не поедут; а иных многих козаков и в домах нет, живут на Запорожье. А что козаки прозвищами не сходятся, так это потому: у нас на Украине обычай такой, называются люди разными прозвищами, у одного человека прозвища три и четыре: по отцу и по тестю, по теще, по женам прозываются; вот почему одни и те же люди у воеводы в мужицком списке писаны прозвищами, а у нас, в полковом козацком списке, другими. Как были присланы в Полтаву из Москвы переписчики, и они писали многих козаков в мужики заочно, а козаки в то время были все со мною в походе под Кременчугом, а иные на Запорожье. Сам переписчик жил в Полтаве, а по уезду посылал писать подьячих, подьячие эти и писали козаков в мужики заочно и не расспрося

подлинно, кто козак и кто мужик? А мужики им нарочно называли козаков мужиками для своей легкости, чтобы и козаки с ними заодно всякие поборы давали и подводы выставляли".

Кикин стал осведомляться, справедливо ли было донесение воеводы на полковника; он обратился с вопросом об этом к протопопу Луке, и тот сказал: "Полковник с воеводою живет недружно, козакам и мещанам многим к князю Волконскому ходить заказывал; только ты, пожалуйста, меня не выдавай, чтоб мне от полковника гнева и гоненья не было". Вечером пришел к Кикину полковой судья Клим Чернушенко, разговорились, и от судьи пошли те же речи, что и от протопопа; но Чернушенко был разговорчивее, начал рассказывать про свое житье-бытье, что они терпят от полковника: "Нас, козаков, полковник Витязенко многим зневажает и бьет напрасно, а жена его жен наших напрасно же бьет и бесчестит; и кто козак или мужик упадет хоть в малую вину, и полковник его имение все, лошадей и скот берет на себя. Со всего Полтавского полка согнал мельников и заставил их на себя работать, а мужики из сел возили ему на дворовое строение лес, и устроил он себе дом такой, что у самого гетмана такого дома и строения нет; а город наш Полтава весь опал и огнил, и о том у полковника раденья нет; станем мы ему об этом говорить - не слушает! Мы уже хотим бить челом великому государю и гетману, чтобы Витязенку у нас полковником не быть. А приводят его на всякие злые дела жена его да писарь Ильяш Туранской; мы ему, писарю, не верим, потому что он с того боку Днепра; чтобы от него не было измены? Он сделал другую печать полковую и держал у себя тайно, без полковничья ведома". После этого Кикин начал разыскивать по селам насчет правильности в сборе податей. Оказалось, что в списках между мужиками были написаны и козаки, но козаки давные, которые козаковали во времена Хмельницкого и после тянули с мещанами заодно, когда же пришлось платить подати, то они и вспомнили о своем старом козачестве. Но кроме этого оказались действительные злоупотребления со стороны москалей: переписчики ездили по селам пьяные и брали деньги - по шагу и по два шага с человека: назначенный для сбора податей рейтарский прапорщик Должиков сам не собирал, присылал своих денщиков, которые сверх государева оброка брали еще себе по чеху с человека. Кикин учинил управу, за что Брюховецкий со всеми полтавскими козаками благодарил государя.

Чиня управу по козацким челобитным, чтобы отнять предлог к восстанию, в Москве сочли за нужное отправить увещательную царскую грамоту ко всем полкам Войска Запорожского. "Московские ратные люди, - говорилось в грамоте, - живут с вами в городах малороссийских не для того, чтобы наблюдать за вашею верностию, но для вашей защиты, на страх врагам вашим. Мы надеялись, что перемирие с польским королем будет принято у вас с особенною радостью, потому что вами началась война и прилагались христианские крови к вашей обороне; но вместо всенародной христианской радости объявилось в ваших городах нечаемое

противление и страшная кровь. Где слыхано посланников побивать? У вас бесстрашные люди, на свою кровь наступив и забыв суд божий, такое преступное и нехристианское дело учинили и злую славу на весь свет пустили. Мы от вас как от верных подданных ожидали розыскания и отлучения преступных людей от правдивых христиан; но ныне с удивлением слышим, что у вас вопреки присяге и уставленным статьям смятение во всем поспольстве начинается, хотите раду чинить без нашего указу, а с какою мыслию - не знаем! Удержитесь от такого злого начинания! Огонь огнем не обычай людям тушить; пламень заливать надобно мирною водою, которую милосердый бог приумножил, сердечные сосуды и черпала подал в христианские руки наши: почерпая от этих спасительных струй, крововидный пламень военного огня заливать, и зноем оскорбления иссохшие людские сердца прохлаждать, и мирно напоять должно. У вас некоторые легкомысленные люди в злой путь гетману Дорошенку хотят последовать, а надобно было и самого Дорошенка напоминать единою купелью христианства; ей попекитесь о сем богоугодном деле!"

О богоугодном деле хотел попечья киево-печерский архимандрит Иннокентий Гизель: по обязанности иерейской Гизель умолял Дорошенка не мыслить о подданстве бусурманам, которые истребление христиан по закону своему во спасение себе вменяют; уговаривал покориться православному государю московскому. Московское правительство, с своей стороны, пеклось также о богоугодном деле: выпустили из плена брата Дорошенкова, Григория, за что гетман Петр в ноябре прислал царю благодарственную грамоту: "Проповедовал милость, хвалил незлобие, исповедовал неизреченное благодеяние, кланялся до лица земли со всяким смирением, обещал всякое радение, обещал не допускать никакого озлобления государевым людям".

Киевской воевода Шереметев послал сказать ему, чтобы он доказал благодарность свою на деле, отстал от татар, обратился к христианству и служил обоим великим государям - московскому и польскому. "За милость великого государя я желаю голову свою сложить, - отвечал Дорошенко, - только от татар отстать и под государевою рукою быть вскоре нельзя: будет у меня с королем на сейме договор в силу постановления с гетманом Яном Собеским, который обещал отдать мне Белую Церковь, но она до сих пор мне не отдана, и если Белой Церкви после сейма мне не отдадут, то я буду доступать ее сам". Боярский посланец требовал у Дорошенка, чтобы он не пускал татар за Днепр, на государевы малороссийские города. "О татарских замыслах я ничего не знаю, - отвечал Дорошенко, - а если татары и придут, то у них, и у меня, и у всего Войска Запорожского есть неприятель поближе государевых городов: служил я с козаками королю польскому много лет, и головы свои за него складывали, а выслужили то, что поляки церкви божии обратили в унию; король даст нам на всякие вольности привилегии и универсалы, а потом пришлет поляков и немцев, и те всякие вольности у нас отнимают и православных христиан, не только

простых козаков, но и полковников, старшин бьют, мучат, берут с нас всякие поборы и во многих городах церкви божии обругали и пожгли, а иные обратили на костелы, чего всякому православному христианину терпеть невозможно, и мы за православную веру и за правды свои стоять будем. Я христианского кровопролития не желаю, а если я пошлю татар на государевы города, то пусть тогда разольется моя кровь; если бы я служил государю столько же, сколько королю, то получил бы от царского величества милость; я под рукою великого государя быть давно желал, только меня прежде не призывали; а от татар мне вскоре отлучиться нельзя, потому что, прежде чем придут государевы полки на защиту, татары нас разорят. Татары мне беспрестанно говорили, чтобы идти разорять государевы малороссийские города, но я их удержал, боярину Шереметеву об осторожности против татар писал и впредь писать буду; быть под рукою великого государя желаю, боярства и ничего от него не хочу, хочу только государевой милости, чтобы козаки оставались при своих правах и вольностях. По Андрусовскому договору Киев надобно полякам отдать; но я со всем войском головы свои положим, а Киева полякам не отдадим".

Посланец виделся и с митрополитом Иосифом Тукальским, и с монахом Гедеоном (Юрием) Хмельницким, говорил им, чтоб они отводили Дорошенка от татар. Оба обещали. Все, Петр Дорошенко с братом Григорием, Тукальский и Хмельницкий, говорили посланному по секрету, что будут давать знать боярину Шереметеву о всяких тайных вестях непременно, за то что боярин оказывает к ним большую любовь, посланцам их честь великую воздает, поит, кормит и подарками великими гетмана и посланцев его дарит.

Шереметев не жалел подарков, чтобы только задобрить опасного Дорошенка, от которого теперь зависело спокойствие Восточной Украины, именем которого волновались запорожцы. В Москве Ордин-Нащокин зорко следил за Чигирином; он отправил в Переяславль стряпчего Тяпкина для свидания с Григорием Дорошенком, для склонения гетмана Петра отстать от татар и быть под рукою великого государя, ибо соединение с Польшею для него более уже невозможно. Тяпкин сообщал Нащокину, что Тукальский уговаривает Дорошенка поддаться московскому государю, думая чрез это добиться митрополии Киевской, а епископ Мефодий рад бы и не слышать о Тукальском, не только видеть его, точно так как Брюховецкий не хочет слышать о Дорошенке, боясь лишиться чести своей. Мещане и козаки, особенно черный народ по обеим сторонам Днепра, очень любят и почитают Тукальского и Дорошенка. "Да будет известно, - писал Тяпкин Нащокину, - что печерский архимандрит с Тукальским великую любовь между собой и в народе силу имеют. Хорошо было бы обвеселить архимандрита милостивою государевою грамотою и твоим боярским писанием, которого он безмерно желает, также бы отписать и к прочим игумнам и братии киевских монастырей, потому что чрез них может всякое дело состояться, согласное и развратное. В Переяславле нет

верного и доброго человека ни из каких чинов, все бунтовщики и лазутчики великие, ни в одном слове верить никому нельзя. Одно средство повернуть их на истинный путь - послать тысячи три ратных людей: тогда испугаются и будут верны; а которые теперь ратные люди в Переяславле немногие, те все наги, босы, голодны и бегут от бедности розно. Хуже всего для меня то, что не могу верного человека приобрести из здешних, последнее бы отдал, да лихи лгать, божатся, присягают и лгут".

Но лгалось не в одном Переяславле, лгалось сильно в Чигирине, хотя здесь не было никакой нужды лгать по независимости положения. 1 января 1668 года Петр Дорошенко написал Тяпкину резкое письмо, что не может поддаться царю; причины к отказу можно было бы найти, но Дорошенко наполнил письмо лжами и клеветами, Богдан Хмельницкий, по словам Дорошенка, отдал Москве не только Белую Русь, но и всю Литву с Волынью; во Львов (!) и в Люблин царских ратных людей ввел и многою казною учредил. Какая же благодарность! Послов гетманских московские комиссары в Вильне до переговоров не допустили! Выговского гетманом учредили и между тем подвигли на него Пушкаря, Безпалого, Барабаша, Силку! В Андрусовском договоре оба монарха усоветовали смирять, т. е. искоренять, козаков. Дорошенко решился даже упрекнуть московское правительство за возвращение Польше Белоруссии, вследствие чего здесь опять началось гонение католиков на церкви православные. Дерзость Дорошенка перешла наконец пределы, перешла в смешное, в шутовство: он спрашивает у Тяпкина: "На каком основании вы без нас решили одни города оставить, другие отдать, тогда как вы их приобрели не своею силою, но божиею помощью и нашим мужеством?" И в то же самое время Дорошенко и брат его Григорий в сношениях с Тяпкиным беспрестанно повторяли, что они - подданные короля; но, провозглашая себя королевскими подданными, по какому праву выговаривали они московскому правительству за уступки земель в королевскую сторону? Этого мало: зная очень хорошо, что всем известно отступничество их от короля к султану, они решались утверждать, что настоящий союз их с ханом основывается на Гадячском договоре Выговского с Польшею, по которому козаки должны были находиться под властью королевскою и в союзе с татарами! Но когда нужно было похвастаться, показать свое значение, то все позабывалось, и начинали твердить, что Андрусовским перемирием Москва обязана им, козакам, ибо они с татарами напали на поляков и заставили последних спешить миром с Москвою. Такую страшную порчу произвели политические смуты, шатость в этих несчастных людях, заставили потерять уважение к самим себе, к своим словам!

Козаки никак не могли переварить Андрусовского перемирия не потому, что благодаря им же Москва должна была заключить его на условии кто чем владеет и отказаться от западного берега Днепра; но потому, что мир между двумя государствами, из которых каждое имело много причин негодовать на козаков, был опасен для последних; козаки подозревали

соглашение обоих государств против себя, но не довольствовались высказываньем одних подозрений, а прямо уже утверждали, что соглашение действительно существует. Они отводили душу тем, что стращали Москву непродолжительностью мира. "Договор с польской стороны не будет исполнен, - говорил Григорий Дорошенко Тяпкину, - князья Вишневецкие, иные сенаторы и шляхта, которые имели в Малороссии города, местечки и села, теперь этих маетностей всех отбыли, а королю наградить их нечем, и оттого Польша должна будет нарушить мирный договор". Григорий Дорошенко не отставал от брата в вымышлении вин московского правительства относительно козаков. "Великий государь, - говорил он, - дал козакам право на гетманство и на всякие уряды выбирать своих природных козаков; а теперь у великого государя выбран в гетманы не природный украинский козак, также и полковники многие иноземцы, волохи и неприродные козаки, и Войско Запорожское от того в великом непостоянстве пребывает, а заднепровский гетман и старшие все природные козачьи дети. Да и от того многие бунты: по указу великого государя ныне гетмана учинят, грамоту, булаву и хоругвь вручат, а после другого гетмана втайне выберут, грамоту, булаву и хоругвь ему вручат, и вот эти гетманы - Выговский, Пушкаренко, Барабаш, Силка, Безпалый, Искра, желая каждый удержать данную себе честь, междоусобие в Войске Запорожском учинили. От неприродных гетманов и полковников прямые воры свободны, а верные слуги царские - Самко-гетман, Васюта Золотаренко, Аника черниговский - горькою смертью казнены".

Дерзость, упреки сменялись робостию, просьбами. Пронесся слух, что царь приедет в Киев на богомолье, и вот Григорий Дорошенко обратился с просьбою к Тяпкину: "Когда царское величество, даст бог, будет в Киеве с великими силами, тогда опасаемся накрепко и весь народ сильно ужасается, чтобы, надеясь на силы царского величества, поляки на нас не пошли войною; милости просим у великого государя, чтоб не позволил своему войску помогать полякам. Народы наши сильно боятся прихода царского величества в Киев, не верят, что молиться идет. А когда поляки одни на нас будут наступать и мы поднимем против них татар, то царское величество на нас не гневался бы и ратей своих на нас не посылал". Наконец Григорий Дорошенко объявил Тяпкину тайную статью: "Под высокодержавною рукою царского величества быть хотим, только бы у нас в городах и местечках воевод, ратных людей и всяких начальников московских не было, вольности наши козацкие и права были бы не нарушены и гетманом бы на обеих сторон Днепра быть Петру Дорошенку, поборов и всяких податей с мещан и со всяких тяглых людей никаких не брать; а гетману Брюховецкому по милости великого государя можно прожить и без гетманства, потому что пожалован самою высокою честью и многими милостями".

Но, выговаривая себе у Москвы гетманство на обеих сторонах Днепра, Дорошенко вместе с Тукальским хлопотал об этом другим путем, поднимая

восстание против Москвы и на восточном берегу, обманом побуждая к восстанию и самого Брюховецкого.

Мы видели, что те же самые опасения, какие высказывались в Чигирине относительно союза обоих государств против козаков, высказывались и в Запорожье, и мы видели, что запорожцы и все вообще козаки поведением своим спешили заставить московское правительство действительно смотреть враждебно на козачество. Легко понять, какое впечатление должно было произвести в Москве известие об убийстве крымских гонцов и потом об убийстве Ладыженского и о волнениях в целой Украине, а Брюховецкий писал, чтобы великий государь простил запорожцев, иначе будет плохо! Понятно, что после этого в Москве не могли встречать козацких посланцев с улыбающимся лицом и распростертыми объятиями. Так, присланный гетманом бунчужный пробыл в Москве только три дня, государевых очей не видал, отпущен ни с чем и, возвратясь, рассказывал, будто Ордин-Нащокин, отпуская его, сказал: "Пора уже вас к богу отпускать!" Афанасий Лаврентьевич, как человек порядка, любитель крепкой власти, действительно был не охотник до козаков, и козакам он был особенно неприятен и страшен, как виновник Андрусовского перемирия, сближения Москвы с Польшею, виновник того, что ненавистной шляхте, лишенной козаками земель в Украине, государь пожаловал миллион в вознаграждение; козакам представлялось, что Нащокин докончит свое дело, и вот между ними понесся слух, что Нащокин идет в Малороссию с большим войском - и какого добра ждать козакам от Нащокина?

Но все эти опасения, слухи и волнения между козаками не могли бы иметь важных последствий на восточном берегу Днепра, если бы в челе движения против Москвы не стал сам боярин и гетман, царского престола нижайшая подножка. Что же заставило боярина превратиться вдруг в козака, прямо выразить свое сочувствие Стеньке Разину?

Враг Брюховецкого, епископ Мефодий, находился в Москве в 1666 и начале 1667 года по Никоновому делу. Поведение Мефодия в Киеве по вопросу о митрополите и ожесточенная вражда его к гетману, столь противная спокойствию Малороссии и государственным в ней интересам, не могли не ослабить того расположения, каким прежде пользовался епископ в Москве. Хотя опыт и должен был научить здесь не верить всем доносам, приходившим из Малороссии, однако постоянные и сильные обвинения боярина и гетмана также не могли остаться без действия. Мефодий увидал перемену, чести ему прежней не было, попросил он однажды соболей - соболей не дали и при отпуске в Малороссию строго наказали: не продолжать смуты, помириться с гетманом. В сильном раздражении выехал преосвященный из Москвы, направляя путь в Гадяч, столицу гетманскую. Здесь уже знали о выезде Мефодия из Москвы; страшно стало боярину и гетману; и вот станица знатных козаков помчалась из Гадяча в Смелую, маетность Киево-Печерского монастыря,

где жил в это время сам отец архимандрит Иннокентий Гизель: козаки везли приглашение архимандриту приехать в Гадяч, боярину и гетману очень нужно с ним видаться. Гизель испугался, жил он с гетманом в больших неладах; но делать нечего, не поедет, так козаки неволею повезут, поехал. "За что это вы на меня сердитесь и в Печерской святой великой лавре за меня бога не молитесь?" - встретил Брюховецкий Гизеля. "Зла тебе мы никакого не хотим, - отвечал тот, - а неласку твою видим: многократно мы писали к тебе с великим прошением слезным, что козаки лавру нашу Печерскую разоряют, в маетностях подданных бьют, коней и волов и всякий товар и хлеб грабят, меня и братью мою, иноков, людей честных бесчестят, бьют; ты учинил немилосердие, писание и слезное наше прошение презрел, и за такую к святой обители неласку твою мы за тебя бога не молили". "Правда, - сказал Брюховецкий, - козаки наделали много зла святой обители; я им верил, а теперь верить не стану. Слышу, что едет из столицы епископ Мефодий; до сих пор было у нас тихо, а как приедет, то не будет ли нам лиха? Поговори-ка ему, отец архимандрит, чтобы он со мною помирился, зло укротил и жил в совете, чтобы во всем Малороссийском краю люди жили в покое и великому государю нашему чистыми сердцами работали".

Боярин и гетман напрасно беспокоился: Мефодий сам явился к нему с словом примирения, все старое было забыто, кроме старой дружбы, бывшей до 1665 года; и в знак новой дружбы дочь епископа сосватана была за племянника гетманского. Но гетман и епископ подружились и породнились не для того, чтобы чистыми сердцами работать царскому величеству: Мефодий передал свату все свое неудовольствие, все свое раздражение против неблагодарной Москвы, передал ему свои наблюдения, свои страхи, что Москва готовит недоброе для Малороссии. Но одними тайными разговорами с гетманом Мефодий не удовольствовался. Из Гадяча поехал он в свой родной город Нежин и здесь в своем доме при гостях бранил вельмож и архиереев московских, в черном свете выставлял нравы тамошних людей, клялся, что никогда ноги его не будет в Москве. Те же речи начал он говорить у протопопа в присутствии воеводы царского Ивана Ржевского, так что воевода счел приличным для себя уйти, не дождавшись обеда Мефодий не скрывал причину своего неудовольствия на Москву: бесчестили его там, соболей и корму, сколько хотел, не давали. Но Мефодий, говоря о своей обиде, не забывал внушать, что обида готовится и всей Малороссии "Ордин-Нащокин, - говорил он, - идет из Москвы со многими ратными людьми в Киев и во все малороссийские города, чтобы все их высечь и выжечь и разорить без остатку". Речи эти дошли до Тяпкина в Переяславль, тот нарочно прискакал в Нежин, чтобы спросить у Мефодия, от кого это он слышал? Епископ сказал от кого: "Московские торговые люди, которые ездят с товарами в Литву и Польшу и потом приезжают в Малороссию, сказывают мещанам, что боярин Афанасий Лаврентьевич со многими ратными людьми идет в Малую Россию для отдачи Киева; а к гетману и ко мне в грамотах великого государя о Киеве и о малороссийских городах не

объявлено, и мы с гетманом об этом очень скорбим и смущаемся". Мефодий дал знать и в Москву о слухах, что Киев и все украинные города уступлены ляхам, писал, что он объявляет об этом, видя во всем народе смятение и помня к себе великого государя милость. Шереметев, узнавши в Киеве о речах Мефодия, отправил к нему немедленно голову московских стрельцов Лопатина сказать, что все слухи, беспокоящие малороссиян, вздорные. "Великий государь, - говорил Лопатин, - учинил мир с королем для того, чтобы в его государской стародавней дедичной отчине, в граде Киеве и во всех малороссийских городах, всякий человек в православии доброхотно жил в добром покое и веселии. Ныне великий государь хочет идти в Киев, поклониться его святыне, свою отчину, город Киев, осмотреть, малороссийские города и верного Войска Запорожского ратных людей и всех жителей своим пришествием увеселить и вовеки непоколебимых в вере и подданстве учинить; а боярина своего Афанасья Лаврентьевича Ордина-Нащокина изволил в малороссийские города послать наперед себя, как издавна государский чин належит: перед государским походом посылаются бояре и думные люди для заготовления запасов и для объявления всем о походе царском. А что бунчужный написал о словах боярина Ордина-Нащокина, и то дело нестаточное: боярин Афанасий Лаврентьевич человек умный, государских великих дел положено на нем множество, и таких слов не только что бунчужному вслух говорить, и тайно мыслить не будет; такие слова вместил какой-нибудь враг креста господня, сатанин угодник, ненавистник рода христианского. Тебе бы, епископу, слыша, что плутишка бунчужный такие слова вместил, разговаривать, что ничего такого быть не могло".

Но эти увещания не действовали. Мефодий писал Брюховецкому: "Ради бога, не оплошайся. Как вижу, дело идет не о ремешке, а о целой коже нашей. Чаять того, что честной Нащокин к тому привел и приводит, чтобы вас с нами, взяв за шею, выдать ляхам. Почему знать, не на том ли и присягнули друг другу: много знаков, что об нас торгуются. Лучше бы нас не манили, чем так с нами коварно поступать! В великом остерегательстве живи, а запорожцев всячески ласкай; сколько их вышло, ими укрепляйся, да и города порубежные людьми своими досмотри, чтобы Москва больше не засела. Мой такой совет, потому что утопающий и за бритву хватается: не послать ли тебе пана Дворецкого для какого-нибудь воинского дела к царскому величеству? Чтобы он сошелся с Нащокиным, выведал что-нибудь от него и дал тебе знать; у него и своя беда: оболган Шереметом и сильно жалуется на свое бесчестие. Недобрый знак, что Шеремет самых бездельных ляхов любовно принимает и их потчивает, а козаков, хотя бы какие честные люди, за лядских собак не почитает и похваляется на них, да и с Дорошенком ссылается! Бог весть, то все не нам ли назло? Надобно тебе очень осторожну быть и к Нащокину не выезжать, хотя бы и манил тебя. Мне своя отчизна мила: сохрани бог, как возьмут нас за шею и отдадут ляхам или в Москву поведут. Лучше смерть, нежели зол живот. Будь осторожен, чтобы и тебя, как покойного Барабаша, в казенную телегу замкнув, вместо подарка ляхам не отослали!"

Брюховецкий не ограничился одной осторожностью: он прямо изменил, прямо поднял восстание против царя. Но неужели Мефодий так умел передать свое раздражение, свои опасения Брюховецкому, что тот по одним внушениям епископа решился сделать это? Нет сомнения, что Мефодий своими внушениями приготовил гетмана к измене, но окончательно Брюховецкий решился на нее по другим, более сильным побуждениям. Мы видели, какие замыслы питались на западном берегу Днепра, в Чигирине: Дорошенко хотел быть гетманом обеих сторон Днепра, Тукальский - митрополитом киевским и всей Малороссии. Тукальский был не прочь достигнуть своей цели и с помощью Москвы, и Дорошенко готов был называться гетманом царского величества, но старый соумышленник Выговского не хотел быть гетманом на условиях Брюховецкого, а других условий теперь трудно было получить от Москвы. И вот Дорошенко и Тукальский находят средство оторвать восточный берег Днепра от Москвы с помощью самого Брюховецкого. Тукальский завел переписку с последним, стал его обнадеживать, что Дорошенко уступит ему свою булаву и таким образом будет он, Брюховецкий, гетманом обеих сторон Днепра, но прежде всего он должен выжить из Украины воевод московских, отложиться от царя и отдаться под покровительство султана. Сам Дорошенко писал, что царь прислал к нему Тяпкина с призывом на гетманство восточной стороны Днепра. Брюховецкий не преодолел искушения, тем более что внушения Мефодия уже сделали свое дело: Брюховецкий, потакая Москве, возбудил против себя ненависть в козачестве, но какого добра ждать от Москвы? Об этом знает епископ Мефодий, об этом знает бунчужный; надобно выйти из тяжелого положения между двумя огнями, между ненавистью козацкою и замыслами московскими - и средство готово: поднявшись против Москвы, против воевод царских, Брюховецкий приобретал расположение козаков, Дорошенко откажется от гетманства, и Иван Мартынович засядет в столице Богдана Хмельницкого.

И вот гетман шлет за полковниками, зовет их на тайную раду; в Гадяч съехались: нежинский полковник Артема Мартынов, возведенный на место сверженного Брюховецким Гвинтовки, черниговский Иван Самойлович (будущий гетман), полтавский Костя Кублицкий, переяславский Дмитрий Райча, миргородский Грицко Апостоленко, прилуцкий Лазарь Горленко, киевский Василий Дворецкий. Была рада о том, какими мерами дело начать, как выживать Москву из малороссийских городов? Сначала полковники слушали Брюховецкого подозрительно, думали, что он этими словами искушает их; Брюховецкий заметил это и поцеловал крест, и полковники ему поцеловали.

Уже в конце 1667 года между козаками пущена была весть, что Брюховецкий больше не нижайшая подножка царского престола, и волнения начались. В Батурином и Батманском уездах козаки Переяславского полка начали разорять крестьян, бить их, мучить, править деньги и всякие поборы, вследствие чего уездные люди перестали давать

деньги и хлеб в казну царскую. В январе 1668 года в Миргороде многие мещане записались в козаки и отказались платить подати в казну; приехал челядник Брюховецкого и запретил мельникам давать в казну хлеб. В Соснице нечего было взять с мещан и крестьян, которые от козацкого разоренья или разбрелись, или сами записались в козаки. То же самое произошло в Козелецком уезде. В Прилуках в большом городе стояла на площади вестовая пушка: полковой есаул велел пушку взять и поставить в проезжих воротах, и когда воевода прислал солдат взять пушку в верхний городок, то есаул бил солдат и пушки не дал. "Мы и из верхнего городка все пушки вывезем!" - кричал он. По его же наущению все мещане и поселяне перестали платить подати, и сборщикам нельзя стало появляться в уездах: им грозили смертию; козаки грабили мещан-откупщиков, резали им бороды и прямо говорили мещанам: "Будьте с нами, а не будете, то вам, воеводе и русским людям, жить всего до Масляницы". В Нежине откупщики были не из мещан, и тем сильнее сердились на них последние; но здешние мещане, довольные воеводою Ржевским, действовали законным путем, послали челобитчиков в Москву, чтоб государь хотя на один год льготою их пожаловал для уплаты долгов. "На арендовый откуп даны были грамоты самому городу, а теперь стрелец отпускает из наддачи, чиня великую обиду оплаканному месту; утвержденные грамотами доходы на ратушу: весчее, померное, с продажи лошадей, дегтярная торговля, табак и мельницы Авдеевские - все эти доходы стрелец Спицын с великою налогою выдирает. По жалованной грамоте, в случае большой неправды в суде, указано не звать магистрата к боярину и воеводе, но звать в Москву; а теперь киевский приказ все это разорил".

Но кто был виноват при тогдашней новости, неопределенности отношений? Челобитчики указали любопытный случай: в гостях у троцкого попа Ильи нежинский мещанин Петрушка Сасимов учинил досадительство неведомо какое райце Гавриле Тимофееву; райца начал ему говорить: "Изневажил ты жену мою, а теперь и меня изневажаешь, буду на тебя права просить!" А Петрушка, показав ему кукиши, сказал: "Вот вам на ваше право!" Тут был бурмистр Яков Жданов; обиделся он таким поруганием праву и пошел донести об этом в съезжей избе воеводе. Воевода отдал Петрушку на суд в ратушу; но Петрушка отправил жену в Киев к боярину Шереметеву с челобитьем, и тот велел взять в Киев бурмистра и райцу; сидели они в приказе в оковах больше двух недель, да за порукою выжили в Киеве 12 недель, суда и очной ставки ни с кем не было а взяли за правожом в съезжей избе 220 рублей неведомо за что. Из Москвы была послана немедленно грамота в Киев, чтобы Шереметев разъяснил дело да чтобы не велел брать в Киев из Нежина ратушных людей по челобитьям. Нежинцы били также челом, чтобы государь велел еще оставить у них воеводу Ржевского, потому что он человек добрый, живет с ними, бога боясь, никаких бед, разоренья и воровства не допускает. И в то же время били челом на черниговского архиепископа Лазаря Барановича, что великую им горесть учинил, отнял два села.

В конце января Шереметеву в Киев дали знать, что в Чигирине была рада, сошлись - Дорошенко, митрополит Тукальский, Гедеон Хмельницкий, полковники, вся старшина, послы крымские, монах, присланный от Мефодия, и посол от Брюховецкого. Дорошенко не вытерпел и начал говорить последнему: "Брюховецкий человекенко худой и не породный козак, для чего бремя такое великое на себя взял и честь себе, которой недостоин, принял? И козаков отдал русским людям со всеми поборами, чего от века не бывало". "Брюховецкий это сделал поневоле, - отвечал посланный, - взят он был со всею старшиною в Москву". Дорошенко притворился удовлетворенным этим ответом и со всею старшиною утвердил: по обе стороны Днепра жителям быть в соединении, жить особо и давать дань турецкому султайу и крымскому хану, как дает волошский князь; турки и татары будут защищать козаков и вместе с ними ходить на московские украины. Послышался голос монаха Хмельницкого: "Я все отцовские скарбы откопаю и татарам плату дам, лишь бы только не быть под рукою московского царя и короля польского; хочу я монашеское платье сложить и быть мирским человеком". На той же раде положили: в малороссийских городах царских воевод и ратных людей побить. Были на раде и послы от Запорожья, они присягнули за свою братью быть под властью Дорошенка. Татары уже стояли под Черным лесом: Дорошенко хотел часть их отправить с братом на Польшу, а с другою частию идти сам на московские украины.

Когда в Москве из отписок Шереметева узнали о волнениях в Малороссии, то к Брюховецкому в начале февраля пошла царская грамота: "Козаки не дают денег и хлеба на раздачу нашим служилым людям: воеводы писали к тебе об этом, а ты не веришь и от своевольства козаков не удерживаешь, в своих волях бесстрашно чернь пишат в козаки, а наших ратных людей голодом и всякою теснотою морят, чтобы и остальные от нужды разошлись. Гонцы наши малороссийскими городами с великою нуждою проезжают, в подводах им отказывают, во всем чинятся непослушны и бесстрашны. Смотреть за козаками ваша гетманская обязанность, также полковников и всей старшины, которые многою нашею милостию пожалованы, а преступления их все забыты. Ты в письме своем называешься верного Войска гетман, и неотлучно житье твое с козаками, а в противных делах не сдерживаешь: и та верность не против обещания, надобно держать ее на деле, а не на языке; которые устами чтут, а сердца их отстоят далече, таким судит бог. Знатно по таким козацким своевольным делам явное отступление не только от подданства нашего, но и от веры христианской: отступив от бога жива и от обороны христианской, предаются бусурманам в вечное проклятельство. Думают, что Киев будет уступлен в польскую сторону, и за то прежде времени под злое бусурманское иго поддаются, а не рассудят, что до того времени души христианские спаслись бы от крови и от плену бусурманского: верным христианам годится ли такое злое убийство брать на свои души? Для обнадежения христианских людей и для приведения к истине злых послан к вам с надежным объявлением дворянин Желябужский, который прочтет

вам и полковникам договорные посольские статьи с королем польским; вы бы, согласившись с епископом Мефодием, с полковниками и старшиною, съехались в одно место, говорили и малодушных утверждали духом кротости, а об отдаче Киева никакого бы смутного помышления христианские народы не имели: даст бог, дойдет впредь миром христианским к успокоению безо всякого оскорбления. В войну, многие убытки приняв, Украйны мы не отступились! А если малодушные волнуются за то, чтоб нашим воеводам хлебных и денежных сборов не ведать, хотят взять эти сборы на себя, то пусть будет явное челобитье от всех малороссийских жителей к нам, мы его примем милостиво и рассудим, как народу легче и богу угоднее. Мы указали собирать поборы с черни полковникам с бурмистрами и войтами по их обычаям, без всякого оскорбления, и давать служилым людям на корм и платье, а воеводам сборщиков от себя не посылать. А которых посыльных своих с письмами станешь к нам впредь посылать, то выбирай разумных и верных людей, а не таких, что твой бунчужный, который вместо нашей государской милости ненавистные дурные речи в народ внес".

6 февраля написана была эта грамота, а 8-го боярин и гетман уже начал свое дело в Гадяче. В этот день воевода Огарев и полковники московского войска, по обычаю, пришли к гетману на двор челом ударить Брюховецкий был дома, но не сказался; вышел из хором карлик Лучка и сказал: "Гетман пошел молиться в церковь под гору". Огарев послал денщика к церкви проведать про гетмана; посланный никого там не нашел, и Огарев отправился к обедне, а полковники по домам. В половину обедни Брюховецкий присылает за полковником Яганом Гульцом и говорит ему: "Пришли ко мне из Запорог кошевой атаман да полковник Соха с козаками, говорят: не любо нам, что царские воеводы в малороссийских городах и чинят многие налоги и обиды; я к царскому величеству об этом писал, но ответа не бывало; так вы, полковники, из городов выходите". "Пошли за воеводою и за моими товарищами", - сказал на это немец Брюховецкий стал бранить воеводу: "Если вы из города не пойдете, то козаки вас побьют всех!" - кричал он. Немец испугался и сказал: "А если мы пойдем из города, то ты не вели нас бить". Брюховецкий перекрестил лицо и сказал: "От козаков задоров не будет, только вы выходите смирно". Гульц отправился к воеводе и объявил ему о своем разговоре с гетманом. Воевода пошел к Брюховецкому: тот сначала долго не выходил, наконец вышел и стал говорить, чтоб выбирались вон из города. Огарев объявил своим ратным людям, что надобно выходить, потому что против козаков стоять не с кем, всего московских людей с 200 человек, и крепости никакой в городе нет. Русские люди собрались и пошли, подходят к воротам - заперты, стоят у них козаки; Гульца с начальными людьми выпустили, но стрельцов, солдат и воеводу остановили; Иван Бугай бросился на Огарева, козаки - на ратных людей. Воевода с немногими людьми пробился было за город, но козаки догнали его, догнали и Гульца с товарищами, те отбивались, сколько было сил, но козаки одолели; 70 человек стрельцов и 50 солдат пало под ножами убийц, человек 30 стрельцов успели уйти из

города, но перемерзли по дороге, 130 начальных и лучших служилых людей было захвачено козаками в плен, воевода Огарев ранен в голову и положен лечиться к протопопу, лекарем был цирюльник; не пощадили и жену воеводы: в поругании водили ее простоволосую по городу и, отрезав одну грудь, отдали в богадельню. Покончив с Москвою у себя в Гадяче, Брюховецкий разослал листы по всем другим городам с увещанием последовать его примеру: "Не с нашего единого, но с общего всей старшины совета учинилось, что мы от руки и приязни московской отлучились по важным причинам. Послы московские с польскими комиссарами присягою утвердились с обеих сторон разорять Украину, отчизну нашу милую, истребив в ней всех жителей, больших и малых; для этого Москва дала ляхам на наем чужеземного войска четырнадцать миллионов денег. О таком злом намерении неприятельском и ляцком узнали мы чрез духа свят. Спасаясь от гибели, мы возобновили союз с своею братьею. Мы не хотели выгонять саблю Москву из городов украинских, хотели в целости проводить до рубежа: но москали сами закрытую в себе злость объявили, не пошли мирно дозволенною им дорогою, но начали было войну; тогда народ встал и сделал над ними то, что они готовили нам: мало их ушло живых! Прошу вас именем целого Войска Запорожского, пожелайте и вы целости отчизне своей, Украине, промыслите над своими домашними неприятелями, т. е. москалями, очищайте от них свои города: не бойтесь ничего, потому что с братьею нашею той стороны желанное нам учинилось согласие, если нужно будет, не замедлят вам помочь, также и орда в готовности, хотя не в большой силе, на той стороне".

Пошла из Гадяча грамота и на Дон: "Обман ляцкий и злоба развращенная правоверных бояр едва меня и все Войско Запорожское в густо связанные сети не уловили. Жалуюсь на них перед вами, братьями моими, и перед всем главным рыцарским войском, подавая вам к рассуждению сию вещь: праведно ли Москва сотворила, что с древними главными врагами православного христианства, ляхами, побратався, постановили православных христиан, на Украине живущих, всякого возраста и малых отрочат мечом выгубить, слобожан, захватив, как скот, в Сибирь загнать, славное Запорожье и Дон разорить и вконец истребить, чтобы на тех местах, где православные христиане от кровавых трудов питаются, стали дикие поля, зверям обиталища, да чтобы здесь можно было селить иноземцев из оскуделой Польши. Бояре московские, помогая разоренным ляхам, дали им четырнадцать миллионов денег и вечную дружбу присягою утвердили не для чего иного, думаю, как для того только, чтоб выбиться из-под царской руки, чтобы могли как в Польше, ляцким обычаем, и городами владеть, потому что в Польше сенаторы все королями и одного господином иметь не хотят; поэтому всех невинных людей и начальника, богом данного, к нищете и хлопотам приводят, а наконец, и сами к пагубе приходят. Мы великому государю добровольно и без всякого насилия поддались потому только, что он царь православный: а московские царики, бояре безбожные, усветовали присвоить себе нас в вечную кабалу и

неволю; но всемогущая божия десница, уповаю, освободит нас. Подаю вам к рассуждению: Москва, взявши перемирие с ляхами, жидов и других иноверцев-пленных, которые покрестились и поженились на Москве, отпускала в Польшу, а те, как только вышли из Москвы, крест святой бросили и стали держать веру своим древним поганым обычаем: праведно ли это? А нашу братью, православных христиан, никак освободить не хотят, но еще в большую кабалу и беду ведут. Жестокостию своею превосходят они все поганые народы, о чем свидетельствует самое поганское их дело: верховнейшего пастыря своего, святейшего отца патриарха, свергли, не желая быть послушными его заповеди; он их учил иметь милость и любовь к ближним, а они его за это заточили; святейший отец наставлял их, чтобы не присовокуплялись к латинской ереси, но теперь они приняли унию и ересь латинскую, ксендзам в церквах служить позволили, Москва уже не русским, но латинским письмом писать начала; города, которые козаки, саблею взявши, Москве отдали, ляхам возвращены, и в них началось уже гонение на православных. Вы, братья моя милая, привыкли при славе, победе и вольности пребывать: порадейте, господа, о золотой вольности, при которой все богатства бог подает, и не прельщайтесь обманчивым московским жалованьем. Остерегаю вас: как только нас усмирят, станут промышлять об искоренении Дона и Запорожья. Их злое намерение уже объявилось: в недавнее время под Киевом в городах Броворах, Гоголеве и других всех жителей вырубили, не пощадив и малых деток. Прошу вторично и остерегаю: не прельщайтесь их несчастною казною, но будьте в братском единомыслии с господином Стенькою, как мы находимся в неразрывном союзе с заднепровскою братьею нашею".

Дон не тронулся на призыв Брюховецкого, ибо, к счастью для Москвы, силы голутьбы с господином Стенькою были отвлечены на восток; но козачество Малороссийской Украины поднялось против государевых ратных людей. Еще 25 января черниговский полковник Иван Самойлович (будущий гетман) с козаками и мещанами осадил в малом городе царского воеводу Андрея Толстого, покопав кругом шанцы. 1 февраля к Толстому явился священник с предложением от Самойловича выйти из города, потому что гетман Брюховецкий со всею Украиною отложился от государя, присягнул хану крымскому и Дорошенку. В ответ Толстой сделал вылазку, зажег большой город, побил много осаждающих и взял знамя. 16 февраля воеводе подали грамоту от самого гетмана Боярин и гетман царского величества писал приятелю своему Толстому, что все верное Войско Запорожское и весь мир украинский умыслили изо всех городов выпроводить государевых ратных людей, потому что они жителям великие кривды и несносные обиды починили; Брюховецкий предлагал также приятелю своему выйти из Чернигова, оставивши наряд, по примеру воевод - гадяцкого (!), полтавского и миргородского. Толстой не принял приятельского предложения. Воеводы: сосницкий Лихачев, прилуцкий Загрязский, батурицкий Клокачев, глуховский Кологривов были взяты козаками. В Стародубе погиб воевода князь Игнатий Волконский, когда

город был взят козацкими полковниками - Сохою и Бороною. В Новгороде-Северском сидел воевода Исай Квашнин; несколько раз присылали к нему козаки с предложением выйти из города. "Умру, а города не отдам", - отвечал воевода. 29 февраля на рассвете явились к нему три сотника с тем же предложением; Квашнин велел убить посланных; рассвирепевшие козаки полезли на приступ и взяли город, но воевода, прежде чем сам был сражен пулею из мушкета, отправил на тот свет более десяти козаков; рассказывали, что Квашнин хотел убить свою жену, ударил ее саблею по уху и по плечу, но удар не был смертельный: судьба жены воеводской в Гадяче объясняет поступок Квашнина. К Переяславлю и Нежину козаки делали по два приступа, но понапрасну. К Остру приступил полковник Василий Дворецкий, но не мог взять города благодаря помощи, присланной из Киева Шереметевым. Но положение самого Шереметева было незавидное. Донося, что в Остре, Переяславле, Нежине и Чернигове ратные люди храбро отбиваются от козаков, Шереметев писал государю: "Только в городах скудость большая хлебными запасами, беда, если засидятся долго! Изменники везде поставили заставы крепкие, в Киев и из Киева мещан для покупки хлебной никуда не пропускают, и если возьмут Остер, то Киеву еще больше тесноты будет. В Киеве в казне денег нет ничего, и хлебных запасов скудость великая, на март месяц мы роздали хлеба ратным людям в половину меньше прежнего, апрель кой-как прокормили с большою нуждою, а потом, если лошадей станут есть, то больше как на два месяца не хватит. Дорошенко дожидается татар и сейчас с ними нагрянет под Киев, а у нас ратных людей мало, да и те наги, голодны и скудны вконец, многие дня по три и по четыре не едят, а Христовым именем никто не даст".

В это время в Варшаве находился московский посланник Акинфов. Узнав о малороссийских событиях, он потребовал у сенаторов, чтобы согласно с условиями король высылал свое войско на бунтовщиков на помощь войскам царским. "Обманы их козацьи нам уже знакомы, - отвечали сенаторы, - и теперь писал Дорошенко к гетману Собескому, чтобы войск коронных король посылать не велел, а он, Дорошенко, сделает так, что обе стороны Днепра будут за королем. Но это явный обман: будто королевскому величеству радеет, а сам турку уже давно поддался; также и той стороны козаков бунтует, чтобы и их поддать турку. Поэтому надобно хана теперь как-нибудь приласкать, чтоб он к ним не пристал. Король послал универсалы к гетманам коронному и литовскому, чтобы собирали войска и ссылались с царскими воеводами". Литовский гетман Пац говорил присланному к нему подьячему Полкову: "Надобно обоим великим государям, совокупя войска, высечь и выжечь всех изменников-черкас, чтобы места их были пусты, потому что они обоим государям присяги никогда не додерживают, да и вперед от них никогда доброго не чаять; а что они султану турецкому поддались, то султану ежегодно защищать их за дальностию трудно, а царскому и королевскому величеству их, собак, сгубить можно". Сам Ян-Казимир писал царю, что он велел гетману коронному вести свои войска для соединения с войсками царскими, и

просил, чтобы часть русских полков переправилась на западную сторону Днепра, ибо надобно опасаться волохов. Все ограничилось одними обещаниями со стороны Польши; надобно было управляться своими силами. В апреле царские воеводы князь Константин Щербатый и Иван Лихарев поразили козаков под Почепом, в июне под Новгородом-Северским и на возвратном пути к Трубчевскому разорили много сел и деревень, верст по двадцати около дороги. Князь Григорий Григорьевич Ромодановский облегал своими войсками города Котельву и Опошню.

Что же Брюховецкий? Ему было не до Ромодановского. Полковники восточной стороны не любили его и прежде, а теперь еще более возненавидели, потому что он окружил себя запорожскою чернью и дал ей волю: запорожцы что хотели по городам, то и творили. Полковники призывали Дорошенка; тот вместе с Тукальским послал сказать Брюховецкому, чтоб привез свою булаву к нему и поклонился, а себе взял бы Гадяч с пригородами по смерти. Рассвирепел обманутый Брюховецкий, сейчас же порвал все сношения с Чигирином, начал хватать дорошенковых козаков и отправил посланцев в Константинополь, поддаваясь султану. 2 апреля приехали в Адрианополь, где жил тогда султан Магомет, полковник Григорий Гамалея, писарь Лавринко, обозный Беспалый и били челом, чтоб гетману Брюховецкому и всем черкасам быть под султановою рукою в вечном подданстве, только бы с черкас никаких поборов не брать, да указал бы султан оберегать их от царя московского и от короля польского. В Гадяч явилась толпа татар под начальством Челибея для принятия присяги. Брюховецкий должен был дать гостям 7000 золотых червонных, а Челибею подарил рыдван с конями и коврами да двух девок русских. Вместе с татарами выступил Брюховецкий из Гадяча против государевых ратных людей и остановился под Диканькою, сжидаясь с полками своими, как вдруг пришла весть о приближении Дорошенка. Кручина взяла Ивана Мартыновича: он стал просить татар, чтобы велели Дорошенку удалиться на свою сторону. Но татары не вступились в дело и спокойно дожидались, чем оно кончится. Сперва явились к Брюховецкому десять сотников с прежним предложением от Дорошенка - отдать добровольно булаву, знамя, бунчук и наряд. Брюховецкий прибил сотников, сковал и отослал в Гадяч; но на другой день показались полки Дорошенковы, и, как скоро козаки обеих сторон соединились, раздался крик между старшиною и чернью: "Мы за гетманство биться не будем! Брюховецкий нам доброго ничего не сделал, только войну и кровопролитие начал!" И тотчас побежали грабить возы восточного гетмана Дорошенко послал сотника Дрозденка схватить Брюховецкого и привести к себе. Иван Мартынович сидел в палатке своей, в креслах, когда вошел Дрозденко и взял гетмана под руку; но тут запорожский полковник Иван Чугуй, верный приятель Брюховецкого, безотлучно находившийся при нем с начала его гетманства, ударил Дрозденка мушкетным дулом в бок так, что тот упал на землю. Это, однако, не спасло Брюховецкого: толпы козаков восточной стороны с криками и ругательствами ворвались в шатер, схватили гетмана и потащили его к Дорошенку. "Ты зачем ко мне так жестоко писал и не хотел

добровольно булавы отдать?" - спросил его Дорошенко. Брюховецкий не промолвил ни слова. Не добившись никакого ответа, Дорошенко дал знак рукою - и толпа бросилась на несчастного, начали резать на нем платье, бить ослопьем, дулами, чеканами, рогатинами, убили как бешеную собаку и бросили нагого. Чугуй храбро защищал его и тут, но ничего не мог сделать один с немногими товарищами. Дорошенко уверял Чугуя, что вовсе не желал смерти Брюховецкого. Его самого чуть было не постигла та же участь: вечером козаки обеих сторон, подпивши, зашумели, стали кричать, что надобно убить и Дорошенка, тот едва утишил их, выкативши несколько бочек горелки, а ночью со всею старшиною выехал для осторожности на край обоза. Тело Брюховецкого велел он похоронить в Гадяче, в построенной им церкви (июнь 1668 г).

Покончив с соперником и провозгласивши себя гетманом обеих сторон Днепра, Дорошенко двинулся к Котельве, которую осаждал боярин князь Григорий Григорьевич Ромодановский. Воевода отступил, Дорошенко его не преследовал и возвратился в Чигирин, взявши имение Брюховецкого и артиллерию войсковую (сто десять пушек), пограбивши всех, на которых ему указали, как на богатых людей. Москва вследствие измены Брюховецкого потеряла 48 городов и местечек, занятых Дорошенком, 144000 рублей денег, 141000 четвертей хлебных запасов, 183 пушки, 254 пищали, 32000 ядер, пожитков воеводских и ратных людей на 74000. На восточной стороне Дорошенко оставил наказным гетманом черниговского полковника Демьяна Игнатовича Многогрешного. Но как скоро гетман покинул восточный берег, то здесь повторилось то же самое явление, какое мы видели после Конотопа и Чуднова: восточная сторона потянула к Москве; князь Ромодановский собрался с значительными силами и начал наступательное движение; наказной северский гетман, как назывался Многогрешный, не имел сил ему противиться, да и под чьим знаменем он стал бы оказывать это сопротивление? Сначала он послал к Дорошенку с просьбою о помощи, но получил ответ: "Пусть сами обороняются!" Ромодановский взял приступом новое место в Чернигове; не надеясь спасти старого места, Многогрешный вступил в переговоры с царским воеводою. 25 октября приехали в Москву нежинский протопоп Симеон Адамович, брат наказного гетмана Василий Многогрешный да бывший нежинский полковник Матвей Гвинтовка. Они объявили, что князь Ромодановский отправил их вместе с сеунщиками, сыном своим князем Андреем, Скуратовым, Толстым из обоза, из-за Белой Вежи; но на дороге напали на них татары и захватили в плен сына Ромодановского с товарищами Малороссиян стали расспрашивать порознь: Гвинтовка сказал, что до измены Брюховецкого сидел у него в Гадяче скован, а на его место был поставлен в полковники Артема Мартынов; когда начали государевых людей побивать, то его, Гвинтовку, перевели в Нежин за караулом; а когда Брюховецкого убили, то его освободили; в то же время в Веприке освободили из заключения Василия Многогрешного, который сидел в тюрьме за то, что жену свою побил и та с побоев умерла. Оба - Гвинтовка и Василий Многогрешный поехали в местечко Седнево к гетману Демьяну

Многогрешному и стали ему говорить, чтобы учинился в подданстве у царского величества по-прежнему. Демьян обрадовался этому совету и отпустил их в полк к князю Ромодановскому; в той же думе с ними был и стародубский полковник Петр Рословченко. Когда они приехали к Ромодановскому, то между ним и Демьяном пошли пересылки, и кончилось дело тем, что Демьян и Рословченко в присутствии двоих московских полковников, присланных Ромодановским, поцеловали крест, а потом в городе Девице Демьян имел свидание с Ромодановским Гвинтовка прибавил к своим показаниям: "Слышал я от полковников, Демьяна и Рословченка, и от иных, чтобы у них вперед в войске гетман был данный от царского величества, а не избранный козаками; если государевы ратные люди станут под черкасские города подступать и промысл чинить, то города все станут сдаваться".

Рассказавши свои похождения, Гвинтовка и Василий Многогрешный объявили, что Демьян Многогрешный и Рословченко приказывали им накрепко домогаться царской милостивой обнадеживательной грамоты да особо от патриарха московского прощальной грамоты в нарушении крестного целования. Как скоро они возвратятся к Демьяну и Рословченку, то немедленно к царскому величеству придут козацкие послы, чтобы государь изволил быть у них гетману русскому с войском, и стоять ему в Коробове, а козаки будут кормить царское войско всяким довольством. Доходы бы государь указал собирать с полков оптом, а не так, как до сего времени было: у кого и не было, и на тех правила; а они сами между собою обложатся, что с которого полка дать; обо всех этих статьях Демьян и Рословченко уже говорили с князем Ромодановским.

В то время как Многогрешный и Гвинтовка рассказывали в Москве такие приятные новости, приходит грамота от черниговского архиепископа Лазаря Барановича, из которой нельзя было заключить о такой безусловной покорности наказного гетмана и о желании видеть над собою русского гетмана, данного царским величеством. Мы видели, что Лазарь был одно время блюстителем Киевской митрополии и был сменен в этом звании Мефодием. Чтобы понять характер политической деятельности Лазаря, надобно припомнить, за какие главные интересы шла борьба в стране. Мы видели, что интерес войска или козачества рознился с интересом городского народонаселения. Старшина козацкая стремилась к тому, чтоб вся власть находилась в ее руках и чтобы над нею было как можно менее надзора со стороны государства: отсюда сильное нежелание видеть царских воевод в городах малороссийских. Иначе смотрело на дело городское народонаселение: ему тяжело приходилось от козаков и полковников их, и потому оно искало защиты у царских воевод и от врагов внешних, и от насилий полковничьих. Духовенство относительно этих двух стремлений не могло сохранить единства взгляда: взгляд архиереев, властей был отличен от взгляда городского белого духовенства. Архиереи сочувствовали стремлению старшины козацкой: для них важно было, чтобы страна удержала как можно более самостоятельности в отношении к

Московскому государству, ибо эта самостоятельность обуславливала их собственное независимое положение. Оставаться в номинальной зависимости от константинопольского патриарха, а не подчиняться патриарху московскому, который не захочет ограничиться одной тенью власти, - вот что было главным желанием малороссийских архиереев; интересы их, следовательно, были тождественны с интересами старшины козацкой. Напротив, городское белое духовенство, по самому положению своему тесно связанное с горожанами, разделяло стремления последних, и это не случайность, что протопоп городского собора, лицо тогда очень важное, является в Москве представителем горожан, доносит великому государю о их желании видеть у себя воевод. С таким характером мы видели нежинского протопопа Максима Филимонова; теперь с таким же характером является другой протопоп, Симеон Адамович. Но архиерей черниговский Лазарь Баранович и прежде являлся в глазах московского правительства человеком, холодным к его интересам, и теперь, принимая на себя роль посредника, примирителя, он хлопочет, однако, о том, чтобы требования старшины козацкой относительно вывода воевод были исполнены. Лазарь умолял царя простить преступных козаков: "Аще есть род строптив и преогорчева, но ему же со усердием похощет работати, не щадя живота работает. Ляхи под Хотинем и на различных бранех силою их преславная соделаша; род сицев иже свободы хощет, воинствует не нуждою, но по воли; ляхи к каковой тщете приидоша, егда их Войско Запорожское остави? Ныне видят и различными образы их утверждают, но большее усердие их к вашему царскому пресветлому величеству, но от одних воевод, с ратными людьми в городех будучих, скорбят, и весь мир, сущим воеводам в городах украинных, одне в Литву, а иные в Польшу итить готовы, подушение всегдашнее от варвар имеют; свободою убо, ею же Христос нас свободи, помазаниче божий, пресветлый царю, их свободи, да стоят на свободе их укрепи, да истинно тебе поработают и от варвар отлучатся всяко! На знамение обращения своего Демко Игнатович, гетман северский, плененных отпускает. Яко жена кровоточивая, егда коснуса края риз Христовых, ста ток крови ея: сице егда Войско Запорожское со смирением припадает и касается края риз вашего пресветлого царского величества чаю яко станет ток крови". Баранович переслал в Москву письмо к себе Многогрешного, где высказаны были условия, на которых козаки могли снова подчиниться царю. "Посоветовав с полками сей стороны Днепра, при каких вольностях хотим быть, ведомо чиню, - пишет Многогрешный, - когда великий государь нас, своих подданных, захочет при прежних вольностях покойного славные памяти Богдана Хмельницкого, в Переяславле утвержденных, сохранить и нынешних ратных людей своих из городов наших всех - Переяславля, Нежина, Чернигова - вывести, тогда изволь, ваше преосвященство, написать царскому величеству: буде нас по милости своей примет, вольности наши сохранит и, что учинилось за подушеньем Брюховецкого, простит (а то учинилось от насилия воевод и отнятия вольности Войска Запорожского), то я готов с полками сей стороны Днепра царскому величеству

поклониться и силы наши туда обратить, куда будет указ царский. Если же царское величество нашою службою возгнушается, то мы при вольностях наших умирать готовы: если воеводы останутся, то хотя один на другом помереть, а их не хотим". В ответ на все эти грамоты к Барановичу и Многогрешному отправлены были в ноябре грамоты из Москвы: государь объявлял прощение козакам и удостоверял их в своей милости: никаких условий или более определенных обещаний не было.

Но в то время как Лазарь Баранович принял на себя посредничество между козаками и великим государем, что делал другой архиерей, бывший до сих пор на первом плане, Мефодий, блюститель митрополии Киевской? Он так же обманулся в своих расчетах, как и сват его, Брюховецкий, гибель которого неминуемо влекла за собою и беду Мефодию: ибо если Дорошенко не мог терпеть подле себя Брюховецкого, то Иосиф Тукальский не мог терпеть Мефодия. Сперва держали его за караулом в разных местах на восточном берегу, потом перевезли за Днепр и посадили в Чигиринском монастыре. Сюда прислал к нему Тукальский отобрать архиерейскую мантию. "Недостойн ты быть в епископах, потому что принял рукоположение от московского митрополита", - велел сказать ему Иосиф. Из Чигирина перевезли его в Уманьский монастырь, но здесь он напоил караульных монахов и ушел в Киев. По приезде в этот город первым его делом было обвинить перед боярином Шереметевым киевских архимандритов и игуменов в сношениях с Дорошенком, Тукальским и Брюховецким: архимандрит печерский Иннокентий Гизель отвечал на допрос, что Брюховецкий присылал за ним для того, чтобы он помирил его с Мефодием, приезда которого гетман опасался: оправдывая себя, Гизель рассказал, как Мефодий в Нежине бесчестил вельмож и архиереев московских: на обвинение в сношениях с Дорошенком Гизель отвечал, что действительно писал к чигиринскому гетману, просил запретить козакам грабить маестности Печерского монастыря, о том же писал и к Тукальскому. Николопустынский игумен Алексей Тур оперся на то в своем ответе, что Мефодьевы обвинения голословные, ничем подтвердить их нельзя; игумены - михайловский Феодосий Сафонович, кирилловский Мелетий Дзик, Братского монастыря Варлаам Ясинский, Выдубицкого Феодосий Углицкий, Межигорского Иван Станиславский - подали сказки, что они сносились с Чигирином с ведома боярина Шереметева, все в один голос объявили, что, пока Мефодий был в Москве, все было тихо, а как он приехал в Малороссию и породнился с Брюховецким, то и начались бунты. С теми же речами приходили к Шереметеву и мещане киевские; Дорошенко также прислал обвинительную грамоту на Мефодия, прислал письмо, которое тот писал к Брюховецкому, восстанавливая его против Москвы.

Положение Мефодия было незавидное: он совсем растерялся, не знал что делать, к кому обратиться? У Шереметева подслуживался доносом на своих; а к Феодосию Сафоновичу писал, что он поссорился с Шереметевым из-за общей пользы, для целости отчизны, церкви божией и вольности

народной. Шереметев признал за лучшее отправить Мефодия в Москву, а то, пожалуй, он и в Киеве какие-нибудь бунты заведет. Голова московских стрельцов Иван Мещеринов повез Мефодия Днепром до Лоева, отсюда сухим путем в Старый Быхов. В этом городе пришел к нему комендант Юдицкий и спрашивал, на какие места он поедет и кого это он с собою везет? Когда Мещеринов объявил ему, что везет Мефодия, то Юдицкий начал: "Служа обоим великим государям, не могу тебя не остеречь: на Могилев не ездят, там мужики своевольные, взбунтуются и епископа у тебя отобьют, они такие же своевольцы, как и запорожские козаки; за день до твоего приезда пригнали сюда два монаха, сказали, что из Киева, из Печерского монастыря, и в тот же час погнали в Могилев, а там, я знаю подлинно, они мужиков взбунтовали; ступай лучше на Чаусы да на Смоленск". Мещеринов послушался и поехал на Чаусы. В этом городе Мефодий начал бранить сотника. "Бог до вас добр, - говорил он, - что вы на Могилев не поехали: увидали бы, что бы там над вами сделалось!" В Москве на все обвинения епископ отвечал одно, что он об измене Ивашки Брюховецкого не ведал до тех пор, как государевы люди были побиты в Гадяче. Его оставили в московском Новоспасском монастыре под стражею; здесь он и умер.

Дорого поплатились сваты - Брюховецкий и Мефодий - за смуты; недолго торжествовал и главный ее виновник - Дорошенко. Татары не мешали ему разделаться с Брюховецким; но скоро пришла к нему страшная весть - татары поставили в Запорожье другого гетмана. Был в Запорогах писарь, Петр Сухой или Суховеенко, молодой человек 23 лет, досужий и ученый, послан был в Крым для договоров и так там успел всем понравиться, что писали оттуда в Запорожье: "Вы бы и впредь присылали к нам таких же досужих людей, а прежде вы таких умных людей к нам не присылали". Этого-то досужего и умного человека татары провозгласили гетманом козацким. Дорошенко скрежетал зубами. "Еще я, - говорил он, - не зарекаюсь своею саблею обернуть Крым вверх ногами, как дед мой Дорошенко четыремя тысячами Крым ни во что обернул!" Суховеенко писал в Чигирин, что он гетман ханова величества и чтоб Дорошенко не смел писаться запорожским гетманом. На грамоте была ханская печать - лук и две стрелы, а не старая гетманская запорожская - человек с мушкетом. "Я иду на сокрушение этого лука и стрел", - велел сказать Дорошенко Шереметеву. Он надеялся на разделение Запорожья: из 6000 тамошних козаков половина была за Суховеенка, а другая половина за Дорошенко. Шестеро знатных запорожцев приехали в Чигирин, привезли письмо к Дорошенку от его приверженцев. "Выходи, - писали они, - в поле, на черную раду, а мы Суховеенка и неволею выведем в поле и убьем, ханские стрелы мушкетами своими поломаем". Дорошенко отпустил запорожцев с честью, дал им по шубе, сафьянные сапоги, шапки, послал с ними в Запорожье козакам подарки, хлебные запасы, овощи. Но были и другие вести из Запорожья, что если соберется черная рада, то Дорошенку несдобровать. Плохо пришлось чигиринскому гетману между Польшею, Москвою и татарами, и вот он со всеми пересылается, на все стороны

манит, лжет, обманывает. Сносится с татарами, покупает у хана Суховеенко; но хан дорого просит: дай ему Серка за Суховеенка! Сносится Дорошенко и с Шереметевым, с Ромодановским, уверяет в преданности своей великому государю. Рассказывали, что много раз сзывал он полковников и толковал - не поддаться ли Москве, не отправить ли за этим послов к царю? Но полковники приговорили оставаться в подданстве у султана, потому что московский царь велит старшин всех казнить, точно так же и король, если ему поддаться, будет им мстить.

Малороссия разрывалась. Суховеенко стоял с Ордою на Липовой Долине, недалеко от Путивля; уже неслись слухи, что он обусурманился и называется татарским именем Шамай; козаки полков Полтавского, Миргородского и Лубенского присоединились к нему: но прилуцкий полковник держался Дорошенка и, впустив к себе сотню татар, всех их перебил. Григорий Дорошенко, назначенный братом в наказные гетманы, стоял с войском в Козельце. Он писал в Киев Шереметеву, что хочет служить великому государю; но когда Шереметев прислал взять с него присягу, то он отвечал посланному: "Я писал не о том, что великому государю служить и присягу давать, а писал, что пришел с полками в Козелец не для войны, чтобы не тревожились и задоров военных со мною не делали. А присягу мне давать из какой неволи? Я теперь по своей воле плаваю, что орел сизый. Война у нас стала за козацкие вольности; по неволе нас в подданство привести трудно; мы за свои вольности до последнего человека помрем; если же великий государь укажет из малороссийских городов воевод и ратных людей вывезть, то мы великому государю в послушании быть рады: Войско Запорожское государству Московскому и Польскому каменная стена".

То же самое продолжал повторять и северский наказный гетман Демьян Многогрешный. "Нынешняя война с великим государем, - писал он Лазарю Барановичу, - возникла по благословению его милости, отца Мефодия Филимоновича, епископа мстиславского, и его послушника, протопопа нежинского. Слышу, что князь Ромодановский отпустил этого протопопа с братом моим Васильем и с Гвинтовкою к великому государю: отпустил он его на последнюю гибель нашей бедной Малороссии и всему миру; да туда же, в Москву, поехал и отец Мефодий! Этот пуще всех будет бунтовать и своими непотребными замыслами царское величество, бояр и весь синклит побуждать и наговаривать. Если великий государь не захочет подтвердить нам вольности, постановленные при Богдане Хмельницком, тогда ради не ради поддадимся поганцу; а на ком будет грех? На епископе Мефодии да на протопопе нежинском. Пошли, ваша святительская милость, к царскому величеству, бей челом, чтобы тем злосеятелям-клеветникам не верил". Баранович прислал эту грамоту в Москву вместе с своею, в которой словами писания умолял государя исполнить просьбу Многогрешного: "Отврати лице твое от грех их, и нечестивии к тебе обратятся; умолен буди на рабы своя, да не от отчаяния сопрягутся к неверному ярму бусурманскому".

Но в Москве знали, что требования Многогрешного и Дорошенка - это требования козацкие или, лучше, старшины козацкой, и для отвращения этих требований решили дать голос всей Малороссии, всем составным частям ее народонаселения. Царь отвечал Барановичу: "Пусть Демьян и Войско Запорожское пришлют к нам знатных людей от себя, от духовного и мирского, служилого и мещанского чина и от поселян с просьбою о принятии под нашу государскую руку: тогда о вольностях и правах наш милостивый указ им будет". С тем же требованием отправлена была грамота к Многогрешному и ко всему Запорожскому Войску.

Между тем Дорошенко не переставал сноситься с Шереметевым, не переставал твердить, что согласен быть под рукою великого государя, если в Малороссии не будет московских воевод. "Имею о том подивление великое, - отвечал Шереметев, - что гетман Петр Дорофеевич о таких делах приказывает! И какое вам будет от того добро, что воеводам и ратным людям на восточной стороне не быть? В нынешнее шаткое время, при воровстве переяславского полковника Дмитрашки Райча, если бы в Переяславле государевых ратных людей не было, то Переяславль был бы за татарами: они сделали бы из него себе столицу и желание свое исполнили бы, что хотели вас всех выгнать в Крым". "Потому, - продолжал Дорошенко, - надобно московских ратных людей из Малороссии вывести, что в прошлых годах король польский велел своих ратных людей вывести из Корсуни, Умани и Чигирина и тем малороссийских людей увеселил; гетман Дорошенко и все Войско Запорожское, видя такую королевскую милость, утешились и по воле его королевского величества учинили". "Да, - отвечал Шереметев, - видели мы, как учинено было по королевской воле: как только польский комендант из Чигирина выступил, то гетман призвал татар, пошел в Польшу и многие города, села и деревни разорил. Того же надобно опасаться и в Малороссии, если государевы ратные люди будут выведены. Нападет неприятель, козаки выйдут против него в поле, а в городах кто останется? Робкие мещане будут сдаваться".

Шереметев пересылался и с Многогрешным, также уговаривал его отстать от требований насчет воевод. "Боярин Петр Васильевич, - говорил посланник Шереметева Многогрешному, - никогда не мыслил, чтобы ты, приятель его, был великому государю неверный слуга; беспрестанно вспоминает он твой правдивый ум, дородство, желательное радение и кровопролитие, как ты великому государю служил верно и радетельно и над неприятелями промысл чинил. Вольности ваши и права никогда нарушены не были, а чинил ссоры вор Брюховецкий с подобными себе, с Васьюкою Дворецким и с архиереем. В городах воеводы все исполняли по вашим договорным статьям, права ваши и вольности ни в чем не нарушены, а если какие неприятности вам и были, так не по воле великого государя, но по челобитьям вора Брюховецкого".

Но Многогрешный с товарищами не отставал от своего требования. В январе 1669 года явилось в Москву большое малороссийское посольство:

от Лазаря Барановича игумен Максаковского монастыря Иеремия Ширкович, от гетмана Демьяна обозный Петр Забела, есаул Матвей Гвинтовка, судья Иван Домонтов, сотников 6 человек, 2 атамана, судья полковой, подписок войсковой, рядовых козаков 46 человек; представителями городов явились два войта, бурмистр, поселян никого. Послы объявили наказ от гетмана и всего Войска: бить челом о подтверждении вольностей, данных Богдану Хмельницкому: "Войско Запорожское частые расколы чинило оттого, что по смерти Богдана Хмельницкого гетманы, для чести и маетностей, Войску умаляли вольностей. Хотя по статьям Богдановым и должны быть воеводы в Переяславле, Нежине и Чернигове для обороны от неприятелей, однако они вместо обороны пушью нам пагубу нанесли; ратные люди в наших городах кражами частыми, пожарами, смертоубийствами и разными мучительствами людям докучали; сверх того, нашим нравам и обычаям не навыкли; когда кого-нибудь из них на злом деле поймают и воеводам челобитную подадут об управе, то воеводы дело протягивали. Нынешняя война ни от чего другого началась, как от этого. Чтоб изволил великий государь своих людей из наших городов вывести, а в казну оброк мы сами будем давать через своих людей, которых войско выберет, и то не с этого времени, а когда Украина оправится. Те же воеводы, несмотря на постановленные статьи, в козацкие права и вольности вступались и козаков судили, чего никогда в Войске Запорожском не бывало. А когда Войско Запорожское будет свои вольности иметь, то никогда измены не будет. В немалой смуте гетман и все Войско Запорожское пребывает оттого, что ваше царское величество город царствующий Киев королевскому величеству отдать изволили; а Войско Запорожское за то только и войну с Польшею начало, что поляки церкви божии на костелы обращали, и теперь они на нынешнем сейме постановили церкви православные на костелы обращать, святые мощи в Польшу розно развесть. Все духовенство и Войско Запорожское просит и молит: смилуйся, великий государь наш, помазанник божий, не подавай своей отчины во иго латинское!" Государь объявил им лично, что он "вины их велел им отдать и к прежнему своему милосердию принять изволил: а если б впредь, забыв страх божий и великого государя милость, стали бы к какой измене и к суетным и ссорным словам и письмам приставать и верить, и учинять какую шатость и междоусобие, то великий государь больше терпеть не будет: прося у всемогущего бога милости и пречистые богородицы помощи и взяв святой и животворящий крест и во всех своих милосердых к ним делах свидетельствовавшись всемогущим богом, станет сам своею государскою особою в подданство приводить и своевольных унимать".

А между тем в Москву пришла весть, что только старшина козацкая желает вывода воевод московских; в том же январе прислал государю письмо известный нам протопоп нежинский Симеон Адамович, о котором так дурно отзывался Многогрешный. Протопоп знал, что на него донесли царю, обвинили в дружбе и сообщничестве с Мефодием, и потому начинает письмо свое оправданием: "Милости у вас, великого государя, не

прошу, только свидетель мне бог и вся Малая Россия, что от измены и невинного христианского кровопролития чиста моя душа пред богом и пред вами, великим государем, и пред всеми людьми. После моих трудов я никак не хотел ехать из Москвы, зная непостоянство своей братии, малороссийских жителей; но ваше царское величество приказали мне ехать в Малую Россию с милостию вашею государскою и грамотами к архиепископу Лазарю Барановичу, гетману Демьяну Игнатовичу и полковнику Рословченку. Гетман северский сначала принял меня любовно, а потом, по совету преосвященного Лазаря, возъярился и с 27 ноября до 10 января мучил меня за караулом, за порукою и за присягою, не отпускал ни в Москву, ни в Киев, ни в Нежин, беспрестанно волочил меня за собою. Стал я писать к полковникам и городам, приводя их под вашу высокодержавную руку, писал и к воеводе нежинскому Ив. Ив. Ржевскому, чтобы он о всяких вестях писал к вам, великому государю, и отписку свою прислал ко мне; и с теми проходцами, которых я посылал в Нежин, воевода прислал отписки к вам, великому государю. Но как только проходцы пришли ко мне из Нежина, гетман велел их перехватать и в тюрьму посадить, а меня из Березны до Сосницы переслать ночью за караулом, отписки все мне же велел читать перед собою под смертною казнию и пожег их; если бы воевода Ржевский хотя мало не на их руку в этих отписках что написал, то гетман хотел меня тотчас расстрелять и запретил мне, под смертною казнию, ни в Москву, ни к воеводам отнюдь не писать. Потом потащил меня с собою в Новгородок Северский; туда съехала из полков старшина, и, по совету архиепископа Лазаря, учинился Демьян Игнатович совершенным гетманом над тремя полками, точь-в-точь как покойник Самко в Козельце; нежинским полковником сделал Филиппа Уманца Глуховского, а Остапа Золотаренка отставил за то, что он в Нежине вашему царскому величеству присягнул. Там же, в Новгороде, преосвященный архиепископ приговорил гетману держать меня за караулом до тех пор, пока возвратится Забела с товарищами из Москвы, и если ваше царское величество по желанию архиепископа и гетмана позволите своим ратным людям из городов выйти, то оставить меня в живых, если же нет, то меня либо смерти предать, либо татарам отдать. Я стал со слезами просить архиепископа, чтоб не для меня, но для милости вашего царского величества отпустили меня либо в Москву, либо в Нежин. Архиепископ отвечал мне: "Не сделаю этого для земного царя, а только для небесного, и, если б не мое заступление, давно бы тебя гетман смерти предал". А Василий Многогрешный говорит: "Брат мой, гетман, перед тобою не виноват, архиепископ велит держать тебя за крепким караулом, сердясь, что ты желаешь добра царскому величеству и что к тебе милость государская есть". А Василий Многогрешный верен тебе, великому государю, много раз брата своего лаял, что он гордится, людей дерет и тебе, великому государю, не хочет истинно служить; и Гвинтовка добр же. Сам я слышал своими ушами, как архиепископ говорил: "Надобно нам того, чтобы у нас, в Малой России, и нога московская не была; если государь не выведет своих ратных людей из городов, то гетман хотя и сам

пропадет, а царство Московское погубит, как огонь - вещь подлежащую спалит и сам погаснет". Воля ваша: если прикажете из Нежина, Переяславля, Чернигова и Остра вывести своих ратных людей, то не думайте, чтоб было добро. Весь народ кричит, плачет: как израильтяне под египетскою, так они под козацкою работою жить не хотят; воздев руки, молят бога, чтоб по-прежнему под вашею государскою державою и властью жить. Говорят все: за светом государем живучи, в десять лет того бы не видали, что теперь в один год, за козаками. Нынешний гетман безмерно побрал на себя во всей северной стране дани великие медовые, из винного котла у мужиков по рублю, а с козака по полтине и с священников (чего и при польской власти не бывало) с котла по полтине: с козаков и с мужиков поровну, от сохи по две гривны с лошади, и с вола по две же гривны, с мельницы по пяти и по шести рублей брал, а кроме того, от колеса по червонному золотому; а на ярмарках, чего никогда не бывало, с малороссиян и великороссиян брал с воза по 10 алтын и по две гривны; если не верите, велите допросить путивльцев, севчан и рылян. Уже об нем не умолкают козаки и мужики, а как вооружатся на него, хочет утекать в цесарскую землю. Ей, ей, ей, государь, от его уст я слышал трижды на тайных со мною разговорах; я его, гетмана, уговаривал и милостию вашею царскою обнадеживал всячески; отнюдь не хочет служить вашему царскому величеству, на вас, помазанника божия, и на царство ваше православное хулы возлагает, стыдно и писать мне. Поверь, государь, священству моему: великий враг, а не доброхот вашему царскому пресветлому величеству. Ныне разорвались на три доли: одни к сему гетману, другие к Дорошенку, третьи к Суховою; отнюдь ничего доброго нет, для чего выводить из городов воевод и ратных людей; еще бы ныне промышлять, доколе посланцы у вашего царского величества на Москве: послать бы из Севска, будто в Киев на перемену, в Глухов приказа три или четыре с воеводою каким умным; а там сами князя Ромодановского просят в Гадяч; а если бы эти два города вашего царского величества ратные люди осели, то козакам бы уже нечего делать! А то их горстка, а затевают небылицу, будто они победу и одоление одержали, таких статей домогаются, каких не было и прежде, когда все Войско было вместе, не рознясь. Козаки умные, которые помнят свое крестное целованье, мещане и вся чернь говорят вслух: если вы, великий государь, изволите вывести своих ратных людей из малороссийских городов, то они селиться не хотят, хотят бежать врознь: одни в украинные города вашего царского величества, другие за Днепр в королевские города. А которые посланы к вам от гетмана козаки, Забела с товарищами, изволь, государь, их задержать и через них посланцами договор чинить для того: если вы по желанию архиепископа и гетмана не сделаете, то они тотчас к татарам, а татары с калгою до сих пор стоят за Днепром. Забела и Гвинтовка со мною говорили, что они не желают выхода государских людей из городов: вели, государь, их по одному тайным обычаем допросить, как бога боятся, пусть так скажут; учинилось это не их советом, а только архиепископским и гетманским. Да и о том милости у вас, великого государя, прошу: пощади меня, убогого

богомольца своего, не вели этого моего письма объявлять: как скоро доведаются, тотчас меня смерти предадут. А людей, государь, бога ради, из малороссийских городов не вели выводить, а лучше и прибавить".

Вслед за грамотою Симеона Адамовича, в январе же месяце, приехал в Москву жилец Ушаков, посланный Шереметевым из Киева к Многогрешному и Барановичу. Ушаков рассказывал о своих разговорах с ними: на приглашение Шереметева чинить промысл над городами, бывшими в руках у изменников, - над Остром, Козельцом, Барышполем и другими, гетман отвечал: "Жду от великого государя посланных своих и всякой государственной милости; а как от великого государя милость всякую увидят, то города эти, думаю, скоро под его высокую руку подклонятся". Баранович говорил: "Надобно великому государю над гетманом и надо всем Войском милость показать во всем вскоре и посланцев их отпустить, не задержав; а если посланцы на Москве замешкаются, то чтобы чего-нибудь дурного не сделалось. Царское величество Киев польскому королю уступит ли или нет? Когда я с Мефодием был на Москве, в то время договорные статьи читали на весь мир; в статьях постановлено, что Киев отдать в королевскую сторону; но когда мы были у великого государя на отпуску и о Киеве докладывали, то государь милость свою нам сказал, что Киева отнюдь не уступит. И если царское величество Киев полякам уступит, то и сей стороны Днепра малороссийские города под его рукою в твердости не будут никогда. Во всех малороссийских городах духовный и мирской чин сильно этим оскорбляются, особенно в киевских монастырях архимандриты, игумны и старцы сетуют и болезнь имеют великую о церквах божиих, говорят: как скоро Киев в королевскую сторону будет уступлен, тотчас поляки церкви божии превратят в костелы и учинят унию, да и то полякам будет досадно, что Мефодий в Киеве прежний польский каменный костел разломал и хотел Софийский монастырь строить, но монастырскому строенью и почину не учинил, а костел разломал: так поляки за это тотчас Софийский монастырь в кляштор обратят. Царскому величеству надобно за Киев стоять крепко, потому что Киев благочестию корень, а где корень, тут и отрасли". Многогрешный толковал о своих ближайших делах: "Слышал я, что Дорошенко к великому государю присылает, будто под его высокую руку хочет быть, и тому верить нечего: эти присылки чинит он лестью, хочется ему на обеих сторонах быть гетманом одному. А я по присяге своей царскому величеству служить рад до скончания живота; если же Дорошенка принять, то меня тотчас убьет, а в делах великого государя проку никакого не будет". Ушаков рассказывал и о Киеве: в Киеве во всех монастырях и в городе митрополита Иосифа Тукальского любят и хотят, чтобы он на митрополии Киевской был по-прежнему. Да архимандрит печерский оскорбляется, что службы его и радения к великому государю было много, государевым ратным людям деньгами и хлебом помогал, против изменников всеми монастырскими людьми стоял, а за это государевой милости до сих пор не получил, только было прислано спросить его о здоровье; также и других монастырей игумны, которые ратным людям хлебом помогали, оскорбляются.

24 января государь велел боярину Богдану Матв. Хитрово поговорить с малороссийскими посланцами Забелою и Гвинтовкою. Хитрово объявил им, что все дела должны быть решены на раде, на которую отправляются боярин князь Григ. Григ. Ромодановский, стольник Артемон Матвеев и дьяк Богданов. Хитрово объявил также, что государь велел отпустить малороссийских пленников 161 человека, и спрашивал, где пристойнее быть раде? Посланцы отвечали, что вдруг сказать не могут, подумают; лучше быть раде около Десны, но черневой раде не быть, быть только полковникам и старшине, потому что места разоренные: как съедутся многие люди, то и лошадей накормить будет нечем. Сего боку козаки выбрали совершенным гетманом Многогрешного; пожаловал бы великий государь, велел дать ему булаву и знамя.

На другой день, 25-го, посланцы были на Казенном дворе у думного дворянина Лариона Лопухина и думного дьяка Деметрия Башмакова. Им объявлено, что государь отпустил 161 пленника, отпустит и всех, если они дадут им роспись. "Дадим роспись на раде", - отвечали посланцы. "Дайте письменные улики на епископа Мефодия и нежинского протопопа", - сказал Лопухин. "Улик с нами не прислано, - отвечали посланцы, - дадим их на раде: но мы подлинно знаем, что вся дума у гетмана Брюховецкого была с епископом да с нежинским и романовским протопопами". "Кто говорил вам смутные речи, что листов ваших царскому величеству не доносят, и на кого в том нарекали?" - спрашивал Лопухин. "Говорил нам про то Брюховецкий, - отвечали послы, - сказывали ему посланцы его, приехавшие из Москвы, бунчужный Попович и арматный писарь Микифор, будто листов наших царскому величеству не доносит боярин Ордин-Нащокин и говорит, что Малая Россия царскому величеству ненадобна". "Можно вам и самим разуместь, - сказал Лопухин, - что все это дело несбыточное, Ивашка Брюховецкий нарочно говорил на смуту".

Посланцы настаивали, чтобы раде быть в Батурине, но государь решил быть ей в Глухове - для ближайшего привоза из городов людских запасов и конских кормов - и решил, чтобы рада была черневая.

Первого марта приехал Ромодановский с товарищами в Глухов, 3-го приехал Лазарь Баранович, и в тот же день боярин созвал раду у себя на дворе: народу не было много, потому что из козаков и мещан были только выборные люди. Ромодановский объявил, что царское величество указал им, по их правам и вольностям, выбрать гетмана, кого они излюбят: все отвечали, что выбирают Демьяна Игнатовича. Наступило дело потруднее: начали читать статью, что в Переяславле, Нежине, Чернигове и Остре быть воеводам и ратным людям. Поднялся шум: "Мы били челом, чтобы воеводам не быть на этой стороне!" "Так, вы били об этом челом, - отвечал Ромодановский, - но великий государь велел быть воеводам для крепкого утверждения и обороны тебе, гетману, и всем малороссиянам, для проезду до Киева и к тебе, чтобы сухим и водным путем всяким проезжим людям и хлебным отпускам путь был чист, а не для того, чтобы воеводам и ратным

людям, живя в городах, делать налоги; ты, гетман, видишь сам, что малороссийских городов жители шатки, всяким смутным воровским словам верят и на всякие прелести сдаются. Петрушка Дорошенко, который называется гетманом той стороны, поддается султану турецкому и, присылая на эту сторону козаков, воровски здешних жителей прельщает, многие из них и теперь еще держат его сторону; Переяславль, Нежин и другие города разорены, жители их разбрелись, все пусто; и если в них царских ратных людей не будет, то возвращающимся жителям без обороны нельзя будет строить своих домов и жить, да и Дорошенко тотчас же займет эти города своими людьми, дороги до Киева займет и учинит вас в подданстве у турка вместе с собою". "Не поставь себе в досаду, - сказал Демьян, - что мы эту статью оспорили; вели читать другие статьи, а об этой мы подумаем". Начались толки о Киеве, просьбы, чтобы не отдавать его ляхам. "Ведомо вам самим, - говорил Ромодановский, - что той стороны Днепра козаки и всякие жители от царского величества отлучились и польскому королю поддались сами своею охотою прежде Андрусовских договоров, а не царское величество их отдал, по тому их отлучению и в Андрусове договор учинен". "Нам ведомо подлинно, - отвечал гетман, - что тамошние козаки поддались польскому королю сами, от царского величества отдачи им не бывало, и если положено будет на съездах с польскими комиссарами, что Киев отдать, - в том воля великого государя, только бы поляки благочестивой веры не гнали, а царскому величеству можно митрополию и в Переяславле сделать". "Нет, - возразил Лазарь Баранович, - митрополию надобно сделать в Чернигове. Чернигов старше Переяславля, и княжение древнее".

На другой день пришли к боярину обозный Петр Забела, войсковые есаулы, полковники и от имени гетмана начали говорить, чтоб воеводам не быть в их городах, и подали письменное челобитье по статьям: жаловались, что царские воеводы, наезжая на города, заведывали войсковою арматою; просили, чтобы реестровых козаков было 30000; просили на пять лет льготы от податей, а если не достанет денег на жалованье реестровому войску, то чтобы платила казна царская; чтобы гетману жить в Батурине, а когда Переяславль окончательно подчинится государю, то в Переяславле; чтобы воевод вывести хотя через полгода или через год, когда все успокоится.

5 марта был новый съезд. Ромодановский начал тем, что вывод воевод дело несхожее. "Но воеводы, - отвечал гетман, - козакам и жилецким людям обиды многие нестерпимые чинили, в дела вступались, нас убытчили; служилые люди козаков бесчестили, лаяли, мужиками называли, воровства от них частые и поджоги; а в том бы великий государь был на нас надежен, станем служить верно, безо всякой шатости, изменять никогда не будем". "До сих пор, - говорил Ромодановский, - от козаков и мещан на воевод и ратных людей челобитья не было, а вперед в права ваши и суды, козацкие и мещанские, воеводам вступаться государь не указал, судиться вам между собою самим. До сих пор никаких жалоб не было: если б были жалобы, то

был оы сыск и по сыску наказанье; явно, что дело затеяно теперь: и вы о выводе ратных людей из городов и не думайте, какую вы дадите поруку, что вперед измены никакой не будет?" Гетман и старшина молчали.

Боярин продолжал: "И прежде были договоры, перед святым Евангелием душами своими их крепили, и что ж? Соблюли их Ивашка Выговский, Юраска Хмельницкий, Ивашка Брюховецкий? Видя с вашей стороны такие измены, чему верить? Вы беретесь все города оборонять своими людьми, но это дело несбыточное! Сперва отберите от Дорошенки Полтаву, Миргород и другие: и если бы в остальных городах царских людей не было, то и они были бы за Дорошенком. Чтоб больше об том деле и помину не было!"

Заговорил архиепископ: "Отчего нам чинятся налоги, о том как не говорить и великому государю не бить челом? Теперь ты, боярин, не хочешь с нами чинить договору о выводе ратных людей: так написать в статьях, чтоб вперед было вольно бить челом государю об этом".

"Не только что об этом в статьях писать, и говорить с вами не хотим", - отвечал боярин. "Вечером мы еще подумаем, - сказал гетман, - а из нынешних разговоров я и сам узнал, что в тех городах без воевод и ратных людей быть невозможно".

6 марта рано утром съехались все и подписали статьи согласно воле великого государя. В статьях говорилось: быть воеводам и ратным людям в городах: Киеве, Переяславле, Нежине, Чернигове и Остре; жителей воеводам не ведать, иметь начальство только над своими ратными людьми. Если получится жалоба на обиду от ратных людей, то воеводы судят ратных людей, то вместе с воеводами быть при этих судах из малороссийских жителей знатным, добрым и разумным людям. Поборы собирать, как написано в статьях Богдана Хмельницкого. Реестровым козакам быть в 30000, и давать человеку по 30 золотых польских; гетману 1000 золотых червонных на год: обозному и писарю по 1000 золотых польских, на судей войсковых по 300 золотых, на писаря судейского 100, на бунчужного 100; на полковника 100 ефимков, на есаулов по 200, на сотников по 100. В реестр писать старых козаков, которые много служили: а если таких не достанет, то принимать мещанских и крестьянских детей. Пожалованные дворянством сохраняют его: и впредь государь жалует эту честию за заслуги по челобитью гетмана и старшины; жалует также грамоты на мельницы и деревни, данные гетманом и старшиною за войсковые заслуги. Великий государь указал быть выборному, кого гетман, старшина и все войско выберут, жить ему в Москве погодно, чтоб гетману обо всех делах писать к нему, а он будет приносить письма к приказным людям, которые будут доносить их до великого государя, чтоб из Москвы к гетманам частым посланцам не быть, также и гетману посылать к великому государю не часто, только для самых нужных дел, по три или по четыре раза в год; посланному для таких важных дел давать по 20 подвод, а гонцам

по 3, потому что подводы теряются, отчего козакам и мещанам много убытков. Ратным людям на козацких дворах не ставится, ставится у мещан и мужиков, козаков изменниками и мужиками не называть; беглецов выдавать. Как будет съезд с польскими комиссарами, то будут на него приглашены и малороссийские выборные, только эти посланцы с послами и комиссарами сидеть не будут для избежания ссоры, а когда начнутся разговоры о делах малороссийских, то бояре призовут посланцев и объявят им, о чем идет дело; если же призовут их царские послы и польские комиссары в заседание, то им говорить о благочестивой вере и о других своих делах, только безо всяких ссор, тихими и приличными разговорами. (Козаки никак не согласились на то, чтоб посланцам их не сидеть с послами и комиссарами.) Если гетман в чем провинится, кроме измены, то его не переменять без указа великого государя. Учинить полковника из малороссийских городов и при нем быть 1000 козаков реестровых: где начнутся шатости и измены, то этому полковнику своевольных унимать по своим правам. Гетман будет жить в Батурине.

Подписавши статьи, отправились на площадь пред соборною церковию; здесь опять боярин спросил, кого хотят в гетманы? Раздался крик: "Демьяна Игнатова!" Обозный и полковники поднесли Демьяну булаву. "Хотя я и не желаю быть гетманом, - сказал Демьян, - однако противиться не могу и буду служить великому государю верно". "И мы хотим служить верно!" - завопили все. Боярин вручил новому гетману подтвердительные царские грамоты, после чего все пошли в церковь и принесли присягу.

8 марта раздавалось государево жалованье: гетман получил два сорока соболей, по 100 рублей сорок; старшины получили по две пары; лучшие люди в полках по три, а другие по соболю; Лазарю Барановичу прислано два сорока: один в 100, другой в 50 рублей.

Раздвоение между козаками и остальным народонаселением малороссийским, раздвоение, давшее возможность московскому правительству не согласиться на требования Многогрешного и Барановича, это раздвоение ясно высказалось в мещанских челобитных, поданных царю: "Чтоб от козаков великих насильств и налогов христианам в малороссийских городах, пригородах и деревнях не было; жители принимают к себе переселенцев с той стороны Днепра на хлеб и на соль мирскую, отчего бедным мирянам великое разоренье и даже кровопролитие в домах делается, междоусобная брань, бунты начинаются, потому что голики не хотят быть сыты тем, что им дают, а берут насильно с мещан и крестьян. Дела градские бедных крестьян чтоб в козацкую державу и власть не были отданы, чтоб козаки на своих вольностях жили, а до крестьян ни в чем бы не касались, в управление и в суды градские не вступались. Доходы всякие в казну великого государя козакам не собирать, собирать их мещанам и крестьянам и отдать, кому царское величество изволит, чтоб бедным мещанам и крестьянам от козаков вконец не разориться".

После рады, в апреле, приехал в Москву посланный от нового гетмана и всего Войска, судья енеральный войсковой Иван Самойлов с челобитьем, чтоб князь Ромодановский с своим войском всегда был на защиту Украины по первому требованию, не отговариваясь неимением царского указа; чтоб возвращены были в отечество малороссияне, сосланные по наветам Брюховецкого и взятые в плен в последнюю войну. Но важнее была другая статья: "Если поборов с малороссийских городов не станет, доплачивать жалованье Войску Запорожскому из казны государевой; ныне вся Украина пуста и не скоро оправится, всем городам по указу государеву дана льгота на пять лет, и потому не с кого поборов брать, мельницы все разорены". На все пункты последовало согласие, кроме пункта о доплачивании жалованья козакам из казны царской. Иосиф Тукальский прислал грамоту, просил, чтоб государь позволил ему быть митрополитом в Киеве; о том же просил и архимандрит Гизель. Им отвечали, что за некоторыми мерами Иосифу быть на митрополии невозможно, потому что дело о Киеве между Россией и Польшею еще не решено, а какое решение на общем съезде последует, в то время митрополиту царский указ будет.

И третья смута малороссийская, и третья измена гетманская не отняла восточной Малороссии у Москвы. Турки и татары не поддержали восстания барабашей (как называли тогда козаков восточного берега в Крыму); поляки, если б и хотели, не могли действовать против Москвы, если б и хотели, не могли помочь ей в борьбе с козаками. Еще весною 1668 года посланник царский Акинфов из Варшавы и воевода смоленский давали знать в Москву, что в Польше и Литве большая рознь и нестроение, что король королевство покинет и пойдет во Французскую землю. Акинфов обратился к известному литовскому референдарю Бростовскому с вопросом: кто из коронных и литовских сенаторов сильны и от кого в делах великого государя службы и раденья чаять? "Царскому величеству, - отвечал Бростовский, - радетелен литовский канцлер Хриштоф Пац, а из коронных Андрей Ольшевский, бискуп хелмский, подканцлер да Ян Рей, воевода любельский. Надобно тебе с ними видеться и царскою милостию их обнадежить: а канцлер коронный хотя и не очень радетелен, однако тем людям не поперечит: так надобно и его почтить и видеться с ним". Акинфов в тот же день поехал к Ольшевскому и подарил ему сорок соболей; был у канцлера коронного и у воеводы любельского, государевую милостию обнадеживал, но дачи никакой не чинил: к Пацу отвез соболей и грамоту Ордина-Нашокина. Пац объявил свою службу, как он, приехавши из Москвы, расхваливал всем царевича Алексея Алексеевича, образ которого показывает мудрость, тихость и милосердие; как уговаривал не искать другого государя, кроме царевича; литовские на эту мысль все склонились, склоняются и коронные, только не все: которых француз задарил большими подарками, те для короля молчат и поманивают на француза. На будущий сейм надобно государю царю прислать послов своих с полною мочью: король на этом сейме непременно от короны откажется, и в то время станут ее домогаться многие, а пуще всех француз. Пац впервые указал русскому правительству могущественное средство

решать выборы польских королей: "Царское величество послал теперь войска на козаков; так пусть эти войска далеко от границы не отходят; тогда турок, и француз, и другие замеривальщики станут опасаться, думать: как Москва с козаками управится, то и Польшу станет оборонять; так же и во время избирательного сейма люди, радетьельные царскому величеству, будут надежнее и смелее, зная, что государевы войска на границе".

Между тем надобно было выполнить условие, по которому уполномоченные обеих держав должны были съехаться в Курляндии; положено было пригласить туда же и шведских уполномоченных. Со стороны Швеции после Кардисского мира слышались постоянные жалобы на то, что не все пленные отпущены из России и что шведские купцы терпят притеснения в ее областях. Новый договор, заключенный окольниковым Волынским с шведскими уполномоченными на реке Плюсе в 1666 году, не положил конца жалобам. Русское правительство в свою очередь жаловалось на притеснения своих купцов в шведских владениях, жаловалось на дурное поведение в Москве шведских резидентов. "Не годится им быть на Москве для того, что в торгвлях своих живучи корыстуются, а государственных дел не помнят", - писал царь королю. В апреле 1668 года пошла царская грамота в Стокгольм с приглашением королевских уполномоченных в Курляндию для порешения всех торговых затруднений. С русской стороны отправился на съезд сам начальник Посольского приказа боярин Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин, царственные большие печати и государственных великих посольских дел сберегатель. 26 мая выехал он из Москвы с большим торжеством: благочестивый государь, во исполнение евангельского гласа "яко без мене не можете творити ничесоже", воздвигнул из своих хором образ Вседержителя и провожал его от Успенского собора за Тверские ворота до церкви Благовещения. Здесь по совершении молебствия государь обратился к патриархам, просил их молиться, чтобы дело совершилось на славу св. Троицы, на радость православным христианам, на посрамление племенам варварским, и при этом государь объявил патриархам, что такого великого дела издавна в России не бывало. Но Ордин-Нащокин понапрасну прожил лето в Курляндии: ни шведские, ни польские уполномоченные не приезжали. Королева Гедвига Элеонора от имени малолетнего сына своего Карла XI отвечала царю: "Ваше величество уговорились о съезде с польским королем, не объявивши нам, не оказавши нам этой чести. Нашему королевскому величеству этот съезд не надобен, потому что с вашим царским величеством о вольной торговле мы условились в Кардисском и потом в Плюсском договоре, а с королем польским - в Оливском; что в этих договорах постановлено, то все будем содержать крепко без всякого умаленья, и потому послов наших на тот съезд отправлять мы не соблаговолили. Если же вашему царскому величеству угодно будет пригласить нас в посредники при заключении вечного мира с Польшею, то мы ради будем всяким приятством и дружбою оказываться". В августе король Ян-Казимир отрекся от престола и начались выборы.

Архиепископ-примас, гетман Пац и референдарь Бростовский присылали к Нащокину с объявлением, что царевич Алексей Алексеевич назначен кандидатом и что успех дела несомненен, но вместе с тем им хотелось выведать у Нащокина, согласится ли царь послать к ним сына на их условиях? "Прежде всего, - отвечал Нащокин, - надобно исполнить то, что договорено, съехаться в Курляндии, и, даст бог, при этом съезде все тайные дела к вечному миру совершены будут. Шведы в съезде отказали: явно, что не рады они видеть союз Москвы с Польшею. О государе же царевиче - быть ли ему королем польским - воле праведной божией кто противится? Как восхощет, так по прошенью верных своих и сотворит; а прежде всего между обоими многочисленными народами надобно вечное утверждение учинить, и тогда, будут ли государи родные или чужие, во всяком случае будут жить в единстве богоугодным советом". Причины, заставлявшие его отклонять предложения об избрании царевича, Нащокин высказал государю таким образом: "Нет никакой нужды ехать на сейм; вечного мира там не заключить, царевича в короли не выберут, а только прежнему договору порука будет. Вдаваться в избрание страшно и мыслить: сколько из Великой России королевству Польскому надобно будет дать? В Польшу ехать мне послом не на утверждение, а на разрушение мира. Корону Польскую перекупят, как товар, другие".

В октябре приехал в Москву гонец Ян Гойшевский, привез грамоту от "рад духовных и мирских обоего народа" с известием об отречении Яна-Казимира, также подлинную грамоту шведского короля, в которой тот объявлял, что не считает нужным съезд уполномоченных трех держав в Курляндии, ибо в договорах, как Оливском, так и Кардисском, достаточно постановлено о торговле. "Таким образом, - писали паны радные, - съезд не состоялся не по нашей вине, а мы готовы выслать своих комиссаров". Согласились, что съезду русских и польских уполномоченных опять быть в Андрусове, и с русской стороны назначен был тот же Ордин-Нащокин, с польской - Ян Гнинский, воевода хелминский. Нащокин выговаривал комиссарам, что мирное постановление не сдержано со стороны поляков, которые не дали условленной помощи в войне против хана и Дорошенка, и последний овладел царскими городами. "Видя такое замешательство в украинях, - говорил боярин, - надобно для устранения бусурман заключить союз вечный и крепкий". "Нельзя, - отвечал воевода хелминский, - заключать нам теперь, в перемирных годах, вечного союза, потому что завоеванные города остались бы тогда вечно в стороне царского величества; надобно непременно назначить срок отдачи Киева". "Если назначить срок отдачи Киева, - говорил Нащокин, - то надобно назначить срок отдачи тех городов украинских, которыми владеет теперь Дорошенко. Лучше положить все это на волю божию; после великие государи по обсылкам, общим советом постановят и о Киеве, и об украинских городах". Комиссары настаивали на сроке. "Прежде всего, - повторял Нащокин, - надобно подтвердить о соединении сил против бусурман; а если вы этого не сделаете, то царство Московское по нужде будет искать дружбы у тех соседей, против которых теперь требует у вас союза". Наконец по многим

разговорам комиссары с великою нуждою отложили упорные свои речи и подались учинить крепость о соединении сил против бусурман. Это было уже в конце декабря. Нащокин возвратился в Москву.

Но весною 1669 года он уже опять ехал на съезд, ехал на последнюю службу. Мы имели много случаев изучить характер знаменитого сберегателя посольских дел. Мы видели, что это был один из предтеч Петра Великого, человек, который убедился в превосходстве Запада и начал громко говорить об этом превосходстве, требовать преобразований по западному образцу. Он дорого поплатился за это, когда хваленый Запад отнял у него сына. Но неприятности этим не могли ограничиться. Узнавши чужое, лучшее, Нащокин стал порицать свое, худшее; но, порицая дела, он непременно должен был порицать лица, принять на себя роль учителя, выставляя свое превосходство, тогда как было много людей сильных, которые не хотели признавать этого превосходства, не хотели быть учениками Нащокина. И нельзя не признать, что Нащокин поступал при этом не очень мягко, слишком давал чувствовать свое превосходство, свои учительские права. Сделают что-нибудь в Москве без совета с Афанасием Лаврентьевичем или вопреки его совету - Афанасий Лаврентьевич никогда этого не забудет: постоянно он будет повторять, что вся беда произошла оттого, что его мнения не приняли, а не приняли не почему другому, как только из ненависти к нему. И как он пользовался этого ненавистию, как употреблял во зло свои отношения к царю! Выведенный в люди царем и поддерживаемый им, он постоянно возбуждает самолюбие Алексея Михайловича: "Ты меня вывел, так стыдно тебе меня не поддерживать, делать не по-моему, давать радость врагам моим, которые, действуя против меня, действуют против тебя". Таким образом, проповедуя самодержавие, Нащокин прямо стремился овладеть волею самодержца. Не мог не чувствовать этого царь Алексей Михайлович, не мог не скучать постоянными однообразными жалобами Нащокина. Андрусовское перемирие, столь желанное для всех, чрезвычайно подняло Нащокина: его сделали боярином, подарили богатую Порецкую волость, сделали начальником Посольского приказа с громким, небывалым титулом. Легко понять, что Афанасий Лаврентьевич не счел за нужное при этом переменить своего образа действия и тона своих речей; легко понять, как доставалось от него дьякам Посольского приказа - Дохтурову, Голосову и Юрьеву, которые вели дело по старине, а Нащокин хотел вести его по-новому. Как смотрел он на Посольский приказ, видно из следующего представления его царю: "На Москве, государь, ей! слабо и в государственных делах нерадетельно поступают. Посольский приказ есть око всей Великой России, как для государственной превысокой чести, вкупе и здоровья, так промысл имея со всех сторон и неотступное с боязнию божиею попечение, рассуждая и всечасно вашему государскому указу предлагая о народах, в крепости содержать нелестно, а не выжидая только прибылей себе. Надобно, государь, мысленные очеса на государственные дела устремляти беспорочным и избранным людям к расширению государства от всех краев, и то, государь, дело одного

Посольского приказа. Тем и честь, и низость во всех землях. И иных приказов к Посольскому не применяют, и думные дьяки великих государственных дел с кружечными делами не мешали бы и непригожих речей на Москве с иностранцами не плодили бы".

Дьяки, которым тяжело приходилось от взыскательного нововводителя, естественно, не могли отзываться о нем хорошо, желали от него избавиться и были готовым орудием в руках врагов Нащокина, особенно в его отсутствие. В числе врагов Нащокина указывают на одного из самых близких людей к царю, Богдана Матвеевича Хитрово; указывают и на причину вражды: Нащокин покровительствовал англичанам, Хитрово - голландцам. Уже с дороги Нащокин начал посылать жалобные письма государю: "Товарищи мне на съезд назначены прежние, и для своих нужных дел остались они на Москве. Ныне я свободен от посторонних печалей, только бы товарищи мои насильно из Москвы высланы не были и печалей бы их я не видал. Посольское дело основанием своим имеет совет божий и прежде всего мир между своими, тогда и противные в мир придут; а тебе, великому государю, сиротство мое, как ненавидим от стороны, известно: так по крайней мере не видать бы мне от товарищей своих воздыхания и печалей и свободною мыслию, без переговоров многих служить. Умилосердися, великий государь, не изволь с оскорблением, не по охоте из Москвы товарищей ко мне высылать, чтоб холоп твой от чужих печалей не отбыл твоего дела, которое всему свету годно. Я не на урочное время и не из корысти тебе, великому государю, служу, при вседержителеве чудотворном образе ваше государское пресветлое лице мысленно на всяк час во убогой душе моей и непременно имею: так бы скончать ваше, великого государя, дело неотложно. Как в докладах, так и в челобитье моем обиды своей в корыстях никогда на товарищей своих не извещал. Великие государственные дела оберегать - эта должность в божией и в вашей государской воле: за мое недостойнство отпустить и того на мне не спрашивать. А если за злыми чужими нравами не буду иметь свободной службы, товарищи мои от страха желания своего в совет не приложат, то в таком несогласии не было бы всему государству урона". Польские комиссары замешкались за королевскими выборами, и царь в начале мая прислал Нащокину указ - ехать в Москву. "Мне велено оберегать государственные дела, - отвечал Нащокин, - так после этого на мне не спросили бы? Не знаю, зачем я из посольского стана к Москве поволокусь? В твоей государевой грамоте ничего не написано. Пойду я за Спасовым образом в Смоленск - станут говорить, что посольство отставлено; а на посольском стане в Мигновичах оставить чудотворный образ без твоего указа я не смею. Послов ли мне дожидаться, или на время в Москву ехать, или впрямь быть отставлену от посольских дел? Надобно, чтоб все людские переговоры и разности в твоих делах исчезли". Нащокин подозревал, что тут все действуют козни врагов его, и знатных вельмож, и товарищей по приказу Посольскому, видел, что ему не присылают из приказа нужных бумаг, пишут, чтобы ехал в Москву, а зачем, не объявляют. Всплакался по своему обычаю Афанасий Лаврентьевич: "Отвел

бы ты меня, холопа твоего, от посольства, так чтоб уже вовеки не был. Вот и прошлою зимою обругали меня ни за что во весь свет! Воззри, великий государь, для своего здоровья и для всенародных неисчетных слез и оскорбления всякого в нестроении приказном, омерзелою меня, холопа твоего, вели от дела откинуть, если я тебя прогневал и недостойн в обороне быть. Думным людям никому ненадобен я, ненадобны такие великие государственные дела! Откинуть меня, чтоб не разорилось мною государственное дело! Как в Московском царстве искони, так и во всех государствах посольские дела ведают люди тайной ближней думы, во всем освидетельствованные разумом и правдою и мзды неприемные. А я, холоп твой, всего пуст и вся дни службы своей плачусь о своем достоинстве. У такого дела пристойно быть из ближних бояр: и роды великие, и друзей много, во всем пространный промысл иметь и жить умеют; и Посольский приказ ни от кого обруган не будет; отдаю тебе, великому государю крестное целование, за собою держать не смею по недостатку умишка моего". В Москву Нащокина после этого не требовали; но вот пришла беда с другой стороны: грамота из Варшавы от панов радных от 20 апреля. "Отдача Киева, - писали паны, - по Андрусовскому договору назначена нынешнего месяца апреля 15-го числа; но из грамоты царского величества видно, что отдача эта отложена до комиссии о вечном мире. Это Андрусовскому договору очевидное нарушение. Вы, как великих посольских дел сберегатель и владетель, должны стараться, чтобы Андрусовский договор остался не нарушен. Ожидаем удовлетворительного ответа". "На съездах объявится, - отвечал Нащокин, - кто нарушил Андрусовский договор", а в Москву послал сказать, что в Польше и Литве надобно промышлять казною да надобно отпустить пленных мещан, иначе на съездах будут из-за этого большие вычеты и неуступчивость со стороны польских комиссаров. В то же время Нащокин писал, чтобы отослали в Польшу шведскую грамоту, написанную во враждебном для России духе и привезенную польским гонцом в Москву: "Надобно отдать грамоту полякам, чтобы не было из-за нее ссоры; если в Посольском приказе скажут, что грамота нужна для улики шведам, то ведь надобно прежде помириться с поляками, а потом уже ссориться со шведами и уличать их; если Посольский приказ причтет мне в дерзость, что я обнадежил поляков в возвращении этой грамоты, то такой моей дерзости для прославления государева имени и для сдержания правды во всяких делах много". Нащокин угадал, ему прислали из Москвы запросные статьи, и в первой статье говорилось: по какому указу обнадежил поляков, что шведская грамота будет им возвращена? Будучи на Москве, ты говорил при государе и боярах, что грамоту надобно держать крепко на улику шведам, потому что и за большие тысячи такой улики на шведов не купить? "Можно было держать до тех пор, пока не спрашивали, - отвечал Нащокин, - а когда просят, то надобно по дружбе отдать, потому что по дружбе прислали, а улика не уйдет, если грамота будет в руках у союзного друга". 2) Писал, что Дорошенка можно принять, и прислал статьи, но по этим статьям принять отнюдь нельзя; нельзя принимать до тех пор, пока не окончатся

переговоры на съезде с комиссарами. Ответ: "В том царского величества воля, а я долг свой отдал; а нынешнее устроенье в крепость вечную о духовном чину учинить, что на свете истинная вера бессмертна; а прием Дорошенков без веры всегда непостоянен, и много Дорошенков. И бог к готовому приступает, а мое письмо по воле ж его святой в доношенье послано". 3) По его мнению, об удержании Киева надобно делать через наместника Тукальского, но каким образом? Ответ: "В докладных в 21-й статье в приказ Малой России подлинно писано: когда бы милостивый указ из Москвы был послан на челобитье киевских духовных, как в тех статьях изображено, тогда надобно было бы и наместнику наказывать, а теперь уже время прошло". 4) Пусть объявит, что говорил в разговорах в Посольском приказе о приезде нынешнего крымского посла. Ответ: "С крымским послом надобно договориться накрепко, чтоб впредь в общем съезде на Украине или на Валуйках быть государевым, польским и крымским послам вместе и общим советом мир заключить". 5) Какие докладные письма оставлены им в Тайном и Посольском приказах о Киеве, по тем письмам Киева задержать невозможно; а что он толкует 16-ю статью, та к Киеву нейдет. Ответ: "Доклады оставлены на волю государеву, буди воля божия и государева, а устроенье восточной церкви по склонению духовных по докладам отложено". 6) По какому указу отдал Гизелевы письма Беневскому и для чего? Ответ: "Кто об этом донес, рад с тем стать на очную ставку в таком причете к измене. А что к Гизелю от Беневского слова дошли, то Беневский рад ссорить; если товарищи мои тогда видели и слышали мою измену, а не извещали, и то их правдали? Устроенье за такими ложными изменами отлагается. В таком извете по очной ставке, в чем Московскому государству убыль учинил, рад, пристойно правде, смертью розняться, чтобы мною, ненавидимым, воровство и нераденье в Посольском приказе искоренилось, а делали бы по прежним обычаям, без помешки, как им надобно". 7) Для чего он, едучи из Курляндии к Смоленску, писал между иным делом без указа к панам радным об отдаче Киева по договору в польскую сторону прежде времени, и тем подал повод панам прислать с требованием отдачи Киева, и для чего польского нынешнего гонца у себя задержал, а в Москву не пропустил, зная 20-ю статью Андрусовского договора? Ответ: "Писал к Речи Посполитой, чтоб комиссаров на съезд прислали до срока отдачи Киева, а не забытно это у поляков и без письма моего. Гонца не послал затем, чтобы не было посольским съездам отволоки; все равно с переводом листа в Посольский приказ подлинно писано". 8) О переводе малороссийского духовенства из-под ведомства константинопольского патриарха в ведомство московского говорено патриарху александрийскому, и он хотел писать об этом к константинопольскому патриарху с прошением, только сказал, что без совета всех своих духовных константинопольский патриарх сделать этого не смеет, а он, александрийский, в чужую епархию о том писать и указывать не смеет. Ответ: "Когда по истинным докладным статьям промыслу быть не изволено, то как бог известит великому государю. А мое доношение со мною доукою для того: зачем входить в убытки, держа

Киев через срок? а чем держать? - тому был путь. А в съездах для вечного мира без предварительного устроенья не мое сиротское дело отговаривать; совершать это великим послам из ближних бояр, по своему высокому господскому согласию учинят как хотят, переговаривать будет некому, потому что не смеют". 9) Почта для чего не за крестным целованьем? Грамотки распечатывают, а Марселис сказал, что и вперед будет распечатывать: явно, что вести переписывает, в числах не сходится. И в золотых улика есть, что многие присылаются чрез почту, а он не все объявляет. Томас Келдерман не бивал челом, чтоб ему почту держать, и никто у него челобитья не слыхал. Ответ: "Леонтий Марселис сам за себя ответ даст, как принимает, а присягал ли служить правдою - это приказное дело. Если Посольский приказ считает Марселиса мне другом, то по делу ему ненавидиму быть. Так лучше меня изринуть; а те узнают перекупать и без меня, им же милы будут. А мне до смерти одного пути, за помощью божию, бесстрашно держаться и как богу, так единому помазаннику его служить, сильных не боясь: а сынишку оборона та ж". 10) Государева грамота к нему послана была, чтоб ехал в Москву; приехал крымский посланник для великих дел. Ответ: "Писал я во многих отписках об указе: Спасов образ где поставить? А для чего мне было в Москву ехать - об этом мне не писали. На посольском стану житье не праздно: великие в Литве всполохи и наславлено про войска московские на ссору; все это сдержано. Чтоб милостивый царского величества указ последовал - откинуть меня от посольства за мои многие неистовые дела, которые тяжко ныне Посольскому приказу слышать. Рад бы я был, чтобы для меня делу божию и государскому не ругались и в иные земли бесчестье Московскому государству проноситься перестало". 11) Мацкеевич за собою никаких дел не сказал, кроме того, что Дорошенка к подданству приводить, а Дорошенок сам об этом пишет и готов в подданство. Ответ: "Зная Мацкеевича, я писал о его верности, а ныне он про меня в приказе и на площади бог знает что слышит; невинная смерть всякому претит, держатся того, где помощь; а я по господе моем ни лисьих язвин, ни птичья гнезда, где подклонить грешную голову, не имею, и не надобно, а ему еще свет, хотя и в бедности, не наскучил". 12) Пишет от себя в Малороссийский приказ о черкасах, что их принимали мимо всякой правды: к чьему лицу он это написал? Кто их принял мимо всякой правды? И что в том приеме правда и что не правда? Ответ: "Милостивому государскому сердцу предать это суду праведному: ни к чьему лицу это не причитано, не мышлено, а самое дело показывает. Хмельницкого прием от турского поворочен с польских кровей, другой под Конотопом, так и до нынешнего времени. Или еще то неизвестно: за благословением духовным, от гонения, как они именуют, лядского, в Константинополе и мирские к турку ж, как прежде и Хмельницкий, в подданство пошли, а к святительскому престолу в царство Московское духовного утверждения не донашивали. А ныне от них и есть". 13) Для чего английский и голландский послы теперь к Москве идут? Ответ: "Идут к Москве по шведскому заводу, домогаются в порубежных городах и досталь долгами разорить; что их государствам

надобно, то посланники и станут вымогать, а слабость Посольского приказа узнали, что им надобно, то и делают по их воле". 14) Для чего шведскому резиденту велено быть в свою землю? Ответ: "Такого ссорщика на Москве по его прошенью оберегал Посольский приказ. Выведав все нестроенье посольское, какая между приказными ненависть и злая вражда и кто в этой вражде силен и в приказе владетелен, - выведав все это, он едет домой, чтоб друзья шведские без него отъездом его наводили всякий страх, чего привыкли на Москве блюстись. Английский посол грозил шведами царству Московскому, а в Посольском приказе ему в том спущено: явная шведу дружба! По этой дружбе и грамота шведская задержана для разрыва с Польшею, а не для улики шведам; и кто шведов станет уличать по закупленным их сторонним страхам, которые на Москве вкоренились? Призрит господь бог, и помазанник его изволит освободить всенародное христианское дело от разрушения, вскоре меня, Афонку, от посольства откинуть, и будет во всем без помешки, и что вновь делано дерзостию, не по прежним московским делам, и то в вечном мире все исправят, все согласно по своим правам учинят; а мертвым сердцем того дела мне вперед делать нельзя, и чему не выучился - взять неоткуда". В Москве нападали на Леонтия Марселиса, которого Нащокин употреблял по почтовому делу. Нащокин выставлял заслуги своего любимца и при этом случае не забыл уколоть приказ. "Апреля 9, - писал он царю, - приехал ко мне на посольский стан Леонтий Марселис: ездил он в Вильну, чтоб с тамошним почтарем устроить постоянную государственную почту. Это великое государственное соединительное дело вперед к умножению всякого добра царству Московскому будет. Он же, Леонтий, будучи в Вильне, сыскал уставы печатные торговые постоянного сбора со всяких товаров пошлин, какие, при таком ближнем соседстве, годны в Москве и во всей Великой России. Эти уставы Леонтий повез в Москву. Там бояре спрашивали гостей о торговых уставах; но гости, зная за собою вину и желая себе помочь, хотят Марселиса от твоей государственной милости отогнать, потому что он, служа в сборах таможенных, хотел объявить нерадение голов и с гостями размолвил. Только бы в приказе правдою рассуждено было, неисчетные убытки твоей казне в приказе!" В то время как Ордин-Нащокин перекаривался с подчиненным ему Посольским приказом, в Варшаве был избран новый король - Михаил, князь Вишневецкий, сын знаменитого Иеремии, ведшего такую ожесточенную борьбу с козаками. Ордин-Нащокин из Мигновичей послал весть в Москву об избрании Вишневецкого, но из Москвы к нему ни весточки. В начале июля он обратился к государю: "Иноземцы, наслышась про палату твою государственную, что из Посольского приказа о мне огласная вражда в мир пущена, сомневаются в совершении вечного мира, дивятся, что у такого превысокого государственного дела я, ненавидимый, в палате; а неправда моя не обличена, и от дела посольского не откинут. Ваше государственное самодержавие во всем, с сейму на Москве государей не выбирают и обо мне знают, что я вашу государственную милостию взыскан. Шведский резидент, наслышась на Москве, великие тайные ссоры учинит, как и до

сих пор делал, и в таких приказных ссорах вечный мир с Польшею заключен быть не может: указных статей, по докладу моему, до сих пор ко мне не присылавано; шведская грамота, которой в Польшу просят, отчего не отдать - неизвестно! Дойдет до съездов, и мне, облихованному и ненавидимому человеченку, с прежнею смелостию твоих государевых дел начать нельзя; прежде, когда товарищ был на посольстве, сам не делал, но в Москве стыдился меня уличать. Опальными и ненавидимыми людьми во всем свете таких бесценных дел о унятии христианской крови не делают. Припомни, великий государь, многие горькие слезы пред лицом твоим государским. Кто богу и тебе неотступно служит, без мирского привода, те гонимы. Явно тебе, великому государю, что я, холоп твой, по твоей государственной неисчетной милости, а не по палатному выбору тебе служу и, никаких пожитков тленных не желая, за милость твою государскую неотвратно и бесстрашно, никого сильных не боясь, умираю в правде. Если я избываю своей вины или за нерадение твоей государственной службы или над кем хотя видеть твою государскую праведную опалу, то укажи меня, беззаступного, прежде казнить, чтоб иные наказались без заступы так дерзко, как я в делах поступать, и держались бы, кто из палаты к твоим делам по совету выбран будет. Разрушая божью помощь, мучат меня злыми ненавистями, не доискавшись вины, что богу и тебе, великому государю, в моей дерзости противно и всему государству в чем вредно было; уличили бы меня, на какие свои корысти продал я твои государственные дела? Потому что корень всему злу - сребролюбие; а к иноземцам меня в поступках дел причитают, то апостол сказал: всем себя поработих да множае приобретаю".

Афанасий Лаврентьевич не пропускал случая уколоть дьяков. Один грек бил челом в Посольский приказ, чтобы отписали в Минск о беспошлинном пропуске оттуда его товаров. Нащокин отвечал, что на это нет никакого права: "Чтобы из Посольского приказа дать грамоту челобитчику, и мимо себя с такою неправдою не пропущу, тут твоему государскому имени от иноземцев была бы укоризна; есть с чего посольским дьякам нескудным быть и без иноземских дел. Не научились посольские дьяки при договорах на съездах государственные дела в высокой чести иметь, а на Москве живучи, бесстрашно мешают посольские дела в прибылях с четвертными и с кабацкими откупами".

В Москве платили ему тою же монетою и назначили ему в товарищи Ивана Желябужского, человека, не любимого им. Нащокин встретил Желябужского вопросом: "Вперед ты, будучи у посольского дела, помогать мне станешь ли? Объяви заранее, потому что после отсылать тебя от дела будет нехорошо". "Тебе допрашивать меня не указано, - отвечал Желябужский, - польские послы моего имени в грамотах своих не пишут, так я на съезде стану им то выговаривать, а дело посольское стану делать, о чем указ будет прислан". Нащокин послал грамоту в Москву: "По такому, великий государь, несогласию делу божью и твоему разрушение! И на Москве из Посольского приказа злых дел наслушано, и то великое

разрушение, а теперь на послов нападут со враждою и с необычными выговорами".

Желябужский в свое оправдание писал: "Я приехал в Мигновичи 10 июля, и до 20-го числа боярин Афанасий Лаврентьевич со мною о государских делах ничего не говаривал; получит через почту из Польши письма - меня не призывает и знать мне об них не дает, а если и призовет, то ни о каких делах не говорит, только расспрашивает, по какому моему доводу государь присылал к нему стрелецкого голову Лутохина? Для чего я к нему чрез его письмо ехал? Говорит, будто он к великому государю писал, чтобы меня не высылать; говорит, что я ему у государева дела ненадобен, делаю я будто дела проклятые; что мне у посольского дела быть нельзя, потому что с польскими комиссарами стану говорить спорно, а ему, боярину, говорить надобно все с поклонами и с челобитьем, чтобы польских комиссаров ничем не раздосадовать, ходить ему надобно за комиссарами с покорством, потому что за нами есть их добро (Киев), и вперед грозит многими расспросами. А я против его расспросов никакого своего довода не таил, и никого ни в чем не ведаю, и не доваживал, и проклятых дел никаких не держусь, и посольских дел на съездах без противных слов, с поклонами и с хождением за польскими комиссарами с покорством как делать - на столько меня не станет. И теперь мне за боярским письмом на меня к великому государю у дела быть нельзя, чтобы от недружбы боярина Афанасия Лаврентьевича напрасно не пострадать и от великого государя в опале не быть, чтобы мне, бедному, в Мигновичах вконец не погибнуть".

Желябужский был отозван в Москву, прислали и шведскую грамоту. Но Афанасий Лаврентьевич не успокоился, послал к государю новую жалобу на посольских дьяков, обвинял их в явном желании не допустить до вечного мира; жаловался, что когда он был отправлен в Курляндию, то дьяки, удержав у себя посольский наказ, переделывали и прислали к нему с подьячим в дорогу; после его отъезда докладывали государю, писать ли его, Нащокина, царственной большой печати и государственных великих посольских дел оберегателем? "Указу и статей для мирного постановления мне до сих пор не прислано; в Посольском приказе разве то мне в вину поставлено, что неотступно великому государю служу? Если мне Посольский приказ не верит, то этим государственные дела обруганы. В чужие государства меня сберегателем пишут, а у себя в приказе не верят?"

С 25 сентября начались у Нащокина съезды с польскими комиссарами: Яном Гнинским, воеводою хелминским, Николаем Тихановецким, воеводою Мстиславским, Павлом Бростовским, писарем литовским. Нащокин объявил, что для утверждения вечного мира надобно быть посредникам; комиссары говорили, чтобы мириться без посредников, а если дело не сладится, тогда искать способу через посредников. Потом начали говорить, как бы украинские народы успокоить и от турецкого подданства отвратить? Нащокин говорил, что это дело надобно решить прежде всего и для успокоения Украины надобно быть посольским съездам

под Киевом или призвать выборных из Украины в Андрусово. "Нет, - возражали комиссары, - надобно прежде заключить вечный мир". "Вечный мир, - отвечал Нащокин, - может быть заключен только на условиях Андрусовского перемирия". "А зачем Киев не отдан в положенный срок?" - спрашивали комиссары. "Затем, - отвечали им, - что вы прислали для его занятия полковника Пиво с немногими людьми; но разве можно было сдать им такую крепость? Это было все равно что сдать ее бусурманам". "Отчего, - спрашивали опять комиссары, - отчего по союзному договору царские войска не соединялись с нашими между Днепром и Днестром?" "Потому, - был ответ, - что не допустили до этого соединения татары и Дорошенко, перешедши на путивльскую сторону, где Дорошенко захватил многие города и теперь держит; королевским войскам следовало помогать нашим на путивльской стороне". "Не могли тогда наши войска помогать, - отвечали комиссары, - потому что в прошедшую войну мы изнурились. Надобно это пустить на волю Божию". "Надобно писать в Украину для ее успокоения", - начал опять Нащокин. "Как писать?" - спросили послы. "Писать с обеих сторон к духовным и мирским людям, пусть они или пришлют выборных на нынешние съезды, или какого другого утверждения потребуют". 19 октября письма были отправлены. После этого комиссары опять начали толковать о Киеве. "Нельзя было вам отдать Киев, - отвечал Нащокин, - смута была тогда в Украине". Комиссары стали говорить о вечном мире с возвращением всего приобретенного по Андрусовскому перемирию. "Об этом нечего говорить, - отвечал Нащокин, - Смоленск и строен с нашей стороны, и останется за нами вечно". В этих переговорах протянулось два месяца с лишком. На девятом съезде, 29 ноября, комиссары объявили, что им велено подтвердить договор о соединении войск, договор о вечном мире был отложен, но комиссары упорно стояли, чтобы назначен был срок сдачи Киева. Это упорство затянуло переговоры до 7 марта 1670 года, когда поляки перестали наконец толковать о Киеве. Постановили, чтобы первый Андрусовский договор сохранился во всех статьях, запятых и точках, равно и постановление о союзе против бусурман.

Подробности о дальнейшей судьбе Нащокина нам неизвестны. В январе 1671 года по случаю свадьбы царской боярин Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин упоминается в числе бояр, бывших за великим государем, а в феврале начальником Посольского приказа уже является любимец царский Артамон Сергеевич Матвеев; Нащокин сходит с служебного поприща и постригается под именем Антония в Крыпецком монастыре, в 12 верстах от Пскова. В Дворцовых разрядах сохранилось следующее известие: "Того ж году (1671) в Польшу великие послы: боярин Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин да думный дворянин Ив. Ив. Чаадаев. И Афанасий Нащокин отставлен, а на его место указал государь быть окольниковому Вас. Сем. Волынскому". Очень может быть, что вследствие этого назначения Нащокин подал такие докладные статьи, на которые не хотели согласиться, а он иначе не согласился ехать, и это несогласие повело к окончательному удалению Нащокина от дел.

В то время как Посольский приказ переменил своего начальника, сношения с Польшею получали все больше и больше важности по поводу дел турецких.

В августе 1670 года приехал в Москву королевский посланник Иероним Комар. Он требовал, чтобы царь велел двинуться войскам своим в Украину против турок и татар, постоянно грозящих Польше, требовал, чтобы немедленно дана была помощь Белой Церкви, угрожаемой Дорошенком, который разорвал переговоры с польскими комиссарами в Остроге. Ему отвечали: "Если царские войска явятся на Украину, то это только раздражит козаков, особенно Дорошенко, которого это не успокоит, напротив, в движении царских и королевских войск он увидит явное намерение изгубить украинские народы и станет призывать к себе на оборону турецкие войска. Царские войска стоят в Белгородском и Севском полках и оберегают Украину. Обоим великим государям шатостных козаков лучше привести в послушание милостию, а не жесточью".

В декабре 1671 года во дворце великого государя было большое торжество - прием великих и полномочных послов его королевского величества, Яна Гнинского и Павла Бростовского. Воевода хельминский витийствовал в длинной речи пред царем: "Кто здравым оком и нетемным разумом взвесит дела божия, у которого народы игрищем, вселенная и небеса яблоком, кто изочтет на востоке солнца мидийское, ассирийское и персидское единоначальство, на полдень и запад греческое и римское величие, премудрость, силу и обилие Египта, рай обетованной земли, ее богатства и утешения и потом увидит эти страны в пепле, в крови, без имени, под игом неволи и, что всего хуже, без познания божия, - тот должен признать, что бог взамену всех этих народов возбудил, поставил и укрепил народы, находящиеся под владением королевского и вашего царского величества, дал королевскому величеству от востока и от полудня застундение, утверждающееся на крепком союзе с цесарским величеством и с целым домом австрийским: велики владения их! До Африки и Сицилии расширяются, обнимают Америку, полную златом, и непобедимым скипетром защищают Европу. А ваше царское величество заступает Европу с другой стороны, в пределах владений ваших роятся, растут, разливаются Дон, Двина и Волга. Ты побеждаешь диких наследников Батя и Темир Аксака и защищаешь Европу, зеницу вселенные; ты стремишься к стране, орошаемой Доном, дабы и там неизвестной части вселенные наложить имя славянское; паче всего услаждаешь неудобства полунощные милосердием правления. Оба народа - польский и русский - бог превечный положил стеною христианства: какой же страшный отчет дать должен пред небом тот, кто дерзнет их ослаблять или делить несогласием или дружбою неискреннею".

Для переговоров с послами назначены были ближний боярин князь Юрий Алексеевич Долгорукий, боярин князь Дмитрий Алексеевич Долгорукий, думный дворянин Артамон Сергеевич Матвеев. Послы начали жалобой на

северских козаков, которые в воеводстве Мстиславском и повете Кричевском заехали земли по реку Сож и мирному постановлению чинят всякие противности. "Об этом уже послано к гетману Демьяну Многогрешному", - отвечали бояре. Потом послы объявили дело поважнее: "С великою жалостию объявляем, что в государстве королевского величества имеются некоторые противности: гетман Петр Дорошенко изменил, и на Корону Польскую наступают неприятели посторонние; чтобы великий государь изволил учинить помощь своими ратными людьми для успокоения таких противностей, по любви к королю и по утвержденному договору". Бояре: "В прошлом году, как были на съездах с обеих сторон великие и полномочные послы, писали они в Украину к духовенству и к мирским людям, призывая к себе на съезды их выборных, чтобы эти выборные прислушались и увидали, что послы договариваются только об успокоении христианском, а противного ничего украинским городам не чинится. И теперь гетман Демьян Игнатович прислал к великому государю киевского полковника Константина Солонину с товарищами, людей честных и разумных: так вы бы, послы, позволили в ответной палате этим посланцам быть для прислушания к делам, и какие зацепки северские козаки в королевских владениях сделали, посланцы свое оправдание нам объявят сами; пусть посланцы знают, что мы договариваемся о братской дружбе между великими государями, об успокоении обоих государств; а то как прежде при подтверждении в Москве Андрусовского договора из Украины выборных людей не было, то вскоре после гетман Ивашко Брюховецкий, сославшись с королевским гетманом Петром Дорошенко, царскому величеству изменил, и невинной крови пролилось много".

Послы: "При ваших разговорах гетманским посланцам быть непристойно, потому что если какое-нибудь наше объявление покажется им противно, то они станут нам о том выговаривать неучтиво, по своему козацкому украинскому нраву, и это королевскому величеству будет к бесчестью и королевского указа у нас о том нет. Если у гетманских посланцев есть какие дела, то пусть бьют челом в приказе, а вы нам об этом объявите. На Андрусовские съезды украинские выборные не были присланы, значит, милость обоих государей украинские люди преслушали, и к нынешнему договору призывать их не надобно, а приводить непослушных к послушанию и от турецкого подданства отвратить таким способом, как написано в Московском договоре, - войсками с обеих сторон". Бояре: "Бесчестья королевскому величеству не будет никакого, позвольте только им быть для прислушания дел, а в разговоры они вступаться не станут и сидеть не будут, будут стоять, как и другие наши и ваши дворяне; прежде украинские духовные, митрополит и два епископа, при самом короле в Сенате заседали и вольный голос имели. Недавно еще великий гетман коронный Собеский с козаками украинскими договаривался, и в Остроге у Станислава Беневского была комиссия с козаками, и договаривались прямым посольским обычаем: стало быть, дело не новое". Послы: "Украинских народов по совету обоих великих государей призывать

ненадобно, потому что украинские люди непостоянны и никогда в правде не стоят. На прошлую комиссию в Андрусово гетман Дорошенко к нам писал, что послал о всем бить челом королевскому величеству на елекцию, а после стал бить челом в подданство царскому величеству. И гетмана Демьяна посланцам при наших разговорах быть опасно: выведав обо всем, станут они писать к гетману Демьяну, а тот станет ссылаться с Дорошенком. При посольских разговорах для научения государственным делам бывают люди ведомые, верные. Гетмана Демьяна Многогрешного называем мы подданным царского величества только в перемирные годы; а как перемирные годы отойдут, тогда можно будет его называть и королевского величества подданным. Прежде киевский митрополит и двое владык в Сенате место имели по воле королевской, и то дело особое. Только в этих длинных разговорах время проволакивается, а дело не делается; изволил бы великий государь учинить тому разрешение".

Но скорого разрешения трудно было надеяться, потому что впереди стояли важные дела. В январе 1672 года послы объявили, что король мог бы покрыть братскою любовью, что Киев на срок не отдан, если только будет назначен другой срок уступки; потом послы спрашивали: по обязательствам союза какую помощь против бусурман окажет царское величество королевскому? Просили наказать северских козаков, перешедших рубежи воеводства Мстиславского, подававших помощь Дорошенку, неприятелю обеих государств: чтобы жителям римской веры в уступленных по Андрусовскому договору областях дозволено было свободно отправлять свое богослужение, вольно было или принимать в дома свои капланов, или для богомолья выезжать за рубеж; чтобы шляхте из этих областей вольно было переходить в королевскую сторону; жаловались, что пленная шляхта и воинские люди до сих пор еще не освобождены, мощи, образа, утварь костельная, дела воеводства Киевского не отданы, просили, чтобы царь велел отдать Велиж к воеводству Витебскому, а Себеж и Невль - к Полоцкому.

Бояре отвечали, что к гетману Многогрешному послан указ о козацких зацепках, и список с. этого указа дан будет послам; надобно было съехаться на рубежах с обеих сторон межевым судьям, но со стороны королевской они не высланы. Из пленных в стороне царского величества никто не задержан, остались те, которые сами захотели остаться; но много пленных задержано в стороне королевской, и послам об этом так досадительно объявлять не довелось, потому что с обеих сторон уже об этом говорено пространно. С польской стороны не только что в титуле царского величества сделаны многие прописки, но и книги напечатаны государю и предкам его на великое бесчестье. Союз нарушен со стороны королевской: когда королевский гетман Дорошенко с татарами воевал на восточной стороне Днепра царские города, то от короля помощи не подано. В Варшаве, в королевском дворце, в той палате, где принимают послов, на своде написано живописным письмом: на одной стороне король с сыном и панями-радою, а на другой - гетман польский гонит московские полки,

царь и бояре взяты в плен, связаны, ту историю всем иностранным послам показывают и подлинно, как была победа, рассказывают с насмеханием и с укоризною Московскому государству и российскому народу. Тело царя Василья Ивановича Шуйского уже в Москве, прежнее вспоминать и тем досаждать за таким теперь мирным постановлением не годится, и королевское величество для братской любви велел бы то выобразить в палате своей снять. Чтоб отклонить бусурманское нашествие, надобно обоим великим государям писать к государям христианским и к султану турецкому, а помочь войском и Киев отдать царскому величеству невозможно, потому что с королевской стороны против Дорошенка и татар помощи не дано: но царское величество не перестанет помогать королю калмыцкими, ногайскими и донскими войсками. Пишут уже теперь и в печатных курантах, что турецкий султан очень печалится: все христианские государи заключили союз и хотят на него войною наступать. В курантах же пишут, что турецкий султан послал было войска свои на Черное море, но как услышал, что русские войска на Черное море против него идти хотят, то велел все свои войска возвратить. После этого объявления бояре дали послам записку о Дорошенке: "К великому государю пишет гетман Демьян Игнатович, что присылает к нему с той стороны гетман Петр Дорошенко и вся старшина, просят, чтоб царское величество велел принять их под свою высокую руку. потому что в стороне королевской в вере чинится им гонение. И королевское величество позволил бы царскому величеству принять Дорошенка, чтоб иго тем от турецкого подданства отвратить. А если король и Речь Посполитая принять Дорошенка не позволят, то царскому величеству принять его можно и потому, что король в своей грамоте называл его подданным турецкого султана и писал, что он уговаривает к турецкому же подданству и восточную сторону Днепра, а Дорошенко пишет, что он поддался турецкому султану от гонения в вере, и потому по всему царскому величеству принять Дорошенка под свою высокую руку можно. Да и запорожцы просятся в подданство к царскому величеству, а у короля быть не хотят, потому что им никакой заплаты не было".

Послы продолжали требовать, чтоб северские козаки выступили из занятых ими воеводств и разоренная ими шляхта получила вознаграждение, иначе эта шляхта разорвет сейм; требовали, чтобы царь помог войсками королю против турок: царь обязан это сделать, во-первых, потому, что турки собираются воевать Польшу за союз ее с Москвою, а во-вторых, царь должен помочь и потому: когда сосед погорит, то и до другого огонь доберется. В Польше есть приповестка такая: однажды русин звал поляка на помощь против турка, поляк отказал, и русин ему молвил: "Поддавшись турку, приду на Корону войною". Наконец послы не переставали требовать, чтоб назначен был срок возвращению Киева. "Уступим вам Киев, - возражали бояре, - а турок войдет в Украину, и Киев сделается гнездом для турецких войск".

Насчет Дорошенка послы объявили: "Царскому величеству нельзя и не годится принять Дорошенка; хотя бы и принял, то права на Украину от этого не прибудет, потому что и сам Дорошенко права на нее не имеет: как вольно было королевскому величеству поставить его гетманом, так и переменить вольно, когда того заслуживает. Если королевское величество объявляет сам о его измене, то царскому величеству следует помогать на него, а не принимать его. Вера греческая не терпит никакого утеснения и поругания; притеснена она самим Дорошенком, который платит бусурманам за оборону свою душами христианским, все церкви в вечное порабощение предает и ко введению мечетей ворота открывает. Если царское величество возьмет Дорошенка в защиту, то война турецкая, этим не утишится, но еще больше разгорится, ибо турки увидят, что владения царские приближаются к греческим государствам, находящимся под турецким владычеством". "Если, - говорили бояре, - король позволит царскому величеству принять Дорошенка, то от этого королю и Речи Посполитой против турок будет великая помощь и прибыль". "Какая прибыль?" - спросили послы. "Султан, - отвечали бояре, - испугается, узнав, что Дорошенко подданный царский, а не королевский, подумает, что все соединятся против него, и пристанут к ним волохи, молдаване и другие греческой веры люди. Испугавшись этого, султан не начнет войны, как прежде султан Баязет, узнав о союзе христианских государств, тотчас прислал просить о перемирье к польскому королю Яну Албрехту, как рассказывает хроника Стрыйковского".

Наконец, после долгих споров, согласились на следующих статьях: 1) Оба великие государи обязуются содержать ненарушимо Андрусовские и Московские постановления безо всякого умаления и противного толкования. 2) Эти трегубые прошлые договоры и настоящее, четвертое постановление государи подтверждают присягою перед св. Евангелием. 3) Трудности, которые явились при исполнении некоторых статей, например насчет Киева и вспоможения войсками друг другу, уладить на комиссии, имеющей быть в июне 1674 года. 4) В случае наступления турецкого султана на Польшу царь помогает королю войсками калмыцкими, ногайскими и другими ордами сухим путем и донскими козаками морем, также пошлет указ на Запорожье, чтобы тамошние козаки выходили как можно скорее в море в возможно большей силе чайками. 5) Царь пошлет к султану и хану грамоты, отговаривая их от войны с Польшею. 6) Царь запретит северским козакам давать помощь бусурманам или Дорошенку. 7) Царь позволяет шляхте, оставшейся в Смоленщине, Стародубщине и других местах, от Литвы присоединенных, возвратиться в сторону королевскую с женами, детьми и имуществом. 8) Римской веры людям, в стороне царского величества оставшимся, позволяется для богослужения ездить за границу в ближние костелы; а русским людям, в стороне королевской пребывающим, вольное употребление веры греческой. 9) Мещане и купцы, остававшиеся до сих пор в Московском государстве, по заплате своих долгов отпускаются в сторону королевскую, кроме тех, которые сами захотят остаться; о тех же мещанах, которые живут в

боярских и других людей дворах, будет решено на будущей комиссии. 10) Возвращаются части св. дерева, взятого в Люблине, сколько можно было собрать; возвращаются мощи св. Калистрата, золото, серебро, утварь и колокола кафедры смоленской, сколько можно найти. Царское величество разошлет указы отыскивать всякие книги, дела, образа, церковные утвари и украшения и, что найдется, возвратит королевскому величеству. 11) Северским козакам приказано будет очистить занятые ими места в воеводстве Мстиславском, поветах Речицком и Мозырском, но без вознаграждения убытков. 12) Назначаются по два порубежных судьи в каждом воеводстве, повете и уезде.

В исполнение пятой статьи договора в апреле 1672 года толмач Даудов и подьячий Венюков отправились к султану Магомету IV с царскою грамотою. Государь писал, чтобы Магомет удержался от войны с Польшею и хану запретил ходить на короля; в противном случае он, как государь христианский, обославшись со всеми окрестными государями христианскими, станет против турок промысл чинить, пошлет к донским козакам указ, чтоб шли на Черное море, сухим путем пошлет калмыков, ногаев и едисанских татар, кроме того, подвигнет соседних государей христианских и шаха персидского. Вместо султана отвечал великий визирь, упрекал за неприличные слова, недостойные государей, и оканчивал грамоту так: "Будете друзья или недруги нам, в какой путь ни пойдете, с нашей стороны то же самое увидите". Возвратясь, Даудов рассказывал: "В Молдавии и Валахии жители говорят: если христиане хотя малую победу одержат, то и мы сейчас же станем промыслять над турками". Но зато рассказал и другое: астраханские и казанские татары и башкирцы приходили к султану с просьбою, чтобы он их всех с Астраханским и Казанским царством принял в подданство, жаловались, будто московские народы, ненавидя их бусурманскую веру, многих из них бьют до смерти и разоряют беспрестанно. Султан отвечал, чтобы потерпели немного, и пожаловал их кафтанами.

Гроза собиралась на юге, начавшиеся были мирные соглашения с Крымом были порваны. 29 апреля 1671 года пленного боярина Василья Борисовича Шереметева, позвали к хану на отпуск и велели ему поклониться Адиль-Гирею в землю. Хан велел надеть на боярина шубу соболью да кафтан золотный, а когда Шереметев вышел из палаты, то ему подвели аргамака со всем конским убором; потом хан прислал ему два кафтана - атласный и суконный, шапку и штаны суконные, прислал рыдван со всем нарядом и шесть возников. Шереметев выехал из Бахчисарая к Перекопу. Но судьба хотела жестоко насмеяться над несчастным стариком: приехал из Константинополя чауш с султанскою грамотою - велено хана Адиль-Гирея переменить. Новый хан, Салим-Гирей, прислал приказ - не отпускать Шереметева; боярина поворотили назад, из Перекопа в Бахчисарай, и заковали в кандалы вместе с молодым князем Андреем Ромодановским и другими знатными пленниками. Когда приехал новый хан, то с Шереметева кандалы сняли и началась торговля: боярину объявили, что

Салим-Гирей хочет быть с великим государем в дружбе и любви, только бы прислал казну за все годы царствования Адиль-Гиреева, потому что в эти годы хан войною не ходил на Москву. Боярин отказал, что такого великого дела перенимать на себя он не может. Обратились к Ромодановскому, запросили с него 80000 ефимков да пленных татар 60 человек. "Больше 10000 рублей за меня не дадут", - отвечал Ромодановский. "Как не дадут? - говорили татары. - Отец твой боярин и владеет всею Украйною, хотя с шапкою пойдет, то сберет с Украйны больше 100000". "Хотя бы хан велел меня замучить, но больше 10000 не будет", - покончил Ромодановский. Государь, узнавши, что пленники опять задержаны, послал Шереметеву 200 золотых червонных, а другим знатным пленникам - Ромодановскому, Скуратову и Толстому - по 50.

"Ближние люди новые, - уведомлял Шереметев царя, - во нравах своих злые и ко мне недобрые, не такие добронравные, как прежние, что были при Адиль-Гирее хане. Князя Андрея и всех твоих знатных людей без окупа на размену хан не отпускает, прежний договор с Адиль-Гиреем ставят ни во что, кричат, что по их старому обыкновению и вольностям хан не волен отбирать у них ясырь, то им дано за службу, за кровь и за смерть, кто что возьмет на войне, тем они и живут. Твоему, великого государя, делу замедленье многое учинилось, а моему отпуску помешка большая от твоих людей, которые в полону у лучших и черных татар, научились они татарскому языку и наговаривают татар, что если я буду отпущен, то после ни размены, ни окупов за них не будет; сказан им твой государев указ, что окупов за них никаких не будет, и потому они думают, что пропадут в Крыму. У тебя, великого государя, милости прошу я, холоп твой убогий и беспомощный, давний пленник и нужетерпец: умилосердись, государь праведный, укажи розыскать такую неправду. А дума бусурманская похожа была на раду козацкую: на что хан и ближние люди приговорят, а черные юртовые люди не захотят, и то дело никакими мерами сделано не будет. Посланники твои твердят хану и ближним людям, чтобы по договору с Адиль-Гиреем пленники были отпущены на размену без окупа, но те же посланники, уезжая из Крыма, берут с собою много пленников на окуп. От этого черные люди и не хотят размены: нам, говорят, в размене прибыли нет, только прибыль одному хану; прибыльнее нам пленников отпускать с посланниками и брать на них окуп на Москве. Умилосердись, государь праведный, не дай напрасною смертию умереть, и в нечестивой стороне тело грешное собакам и зверям поест, и костей убогих врознь разносить; укажи, государь, быть розмене на Донце". Но розмены на Донце не было, и пленники по-прежнему оставались в Крыму.

Скоро число их увеличилось вследствие войны турецко-татарской. Но прежде чем приступим к ее описанию, обратимся к Малороссии, которая уже успела переменить гетмана.